А. Морской.

ИСХОДЪ РОССІЙСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ 1905 года

и ПРАВИТЕЛЬСТВО НОСАРЯ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Въ земскихъ выборныхъ учрежденіяхъ, наравнѣ съ инициіаторами земской реформы 1864 г. Н. А. Милютинымъ и графомъ Ланскимъ, само правительство вначалѣ усматривало только первый шагъ къ болѣе широкому общественному преобразованію.

Для увѣнчанія зданія земскихъ учрежденій допускалась возможность «открыть нѣкоторое участіе народу въ дѣлѣ законодательства». Записки по этому предмету, въ разное время разработанныя статсъ-секретаремъ Валуевымъ (1863 г.), вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ (1880 г.)—о государственныхъ гласныхъ—и графомъ Лорисъ-Меликовымъ (1881 г.), разсматривались и обсуждались неоднократно въ различныхъ совѣщаніяхъ, а въ особомъ совѣщаніи, состоявшемся по воцареніи государя Александра Александровича, 29 апрѣля 1881 г., были окончательно похоронены по настояніямъ К. П. Побѣдоносцева.

Такъ какъ свѣдѣнія о готовящемся политическомъ преобразованіи свободно обращались, то вполнѣ естественно, что отклоненіе этихъ проектовъ произвело на общество тѣмъ болѣе удручающее впечатлѣніе, что тутъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, обществу, вполнѣ благонамѣренному, приходилось нести отвѣтственность и стѣсненія за анархическія и террористическія выступленія, которыя осуществлялись внѣ участія общественныхъ организацій.

Не находя исхода въ естественныхъ законныхъ формахъ, общественная мысль подъ вліяніемъ ясно слагавшихся, но недостаточно удовлетворявшихся, за-

путанныхъ и сложныхъ вопросовъ современности за послѣднія два царствованія постепенно стала склоняться къ политическому движенію.

Существеннымъ подкрѣпленіемъ для развитія болѣе или менѣе радикальной пропаганды, несомнѣнно, послужило широко практиковавшееся искусственное перемѣщеніе водворяемыхъ въ административномъ порядкѣ лицъ, неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи, для жительства въ мѣстности, коихъ еще сравнительно мало касались революціонныя вѣянія; искусственное сосредоточеніе такихъ лицъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, ради заработка, ставило ихъ лицомъ къ лицу съ мѣстными обывателями, а неизбѣжнымъ послѣдствіемъ было, что и въ глухомъ провинціальномъ обществѣ болѣе или менѣе успѣшно насаждалась «крамола». Съ другой стороны, революціонные кружки «землевольцевъ», «народовольцевъ», «черно-передѣльцевъ», «народниковъ» преемственно и неустанно, но съ перемѣннымъ успѣхомъ, развивали подпольную дѣятельность среди крестьянства и рабочихъ, создавая «кружковскія» ячейки пропаганды.

Къ началу XX вѣка недовольство русскаго общества довольно явственно сказалось въ жалобахъ на стѣсненія земской дѣятельности, на неудовлетворительность постановки крестьянскаго вопроса, на игнорированіе рабочаго вопроса, на крупные недочеты въ системѣ народнаго образованія и проч.

Весьма вѣроятно, что если бы правительство въ виду неоднократныхъ проявленій общественнаго броженія вступило рѣшительно тогда же на путь послѣдовательной и либеральной внутренней политики, своевременно разобралось въ идеалахъ, смутно вырисовывавшихся въ сознаніи умѣренныхъ общественныхъ группъ, то оно легко бы и по собственному почину провело въ жизнь требовавшіяся преобразованія; на-

шему отечеству удалось бы избѣжать не только годинъ бѣдствій и потрясеній, какія столь недавно и внезапно Россіи пришлось пережить въ пору вооруженной борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, но и междоусобій послѣднихъ революціонныхъ годинъ.

Разъ политическое самосознаніе стало просыпаться въ русскомъ обществѣ, упорныя старанія ставить преграды поступательному движенію въ развитіи основъ государственности имѣли, конечно, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ то, что закономѣрныя стремленія къ преобразованіямъ должны были рано или поздно воспринять революціонный характеръ. На ускореніе революціоннаго взрыва послѣднихъ лѣтъ существенное вліяніе оказали два фактора: a) проведеніе крайне реакціонной внутренней политики суровымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ В. К. фонъ-Плеве и b) свалившаяся, какъ снѣгъ на голову, война съ Японіею.

I.

В. К. фонъ-Плеве.

Призванный вслѣдъ за убійствами министровъ Боголѣпова и Сипягина на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, В. К. Плеве исходилъ изъ того соображенія, что нарождающуюся революцію, серьезную опасность которой онъ прекрасно сознавалъ, надлежитъ подавить въ корнѣ. Только по достиженіи такого результата признавалъ онъ допустимымъ предоставить обществу нѣкоторое удовлетвореніе, въ смыслѣ улучшенія административнаго управленія, введенія болѣе широкаго народнаго образованія и пр.

В. К. Плеве, прекрасно понимая, что рѣшеніе вопроса о томъ, *быть ли Россіи правовымъ или поли-*

цейскимъ государствомъ, властно заявляетъ о себѣ на каждомъ шагу; онъ самъ не разъ жаловался, что нельзя поднять въ земствахъ вопроса о мѣрахъ къ улучшенію грунтовыхъ дорогъ или предоставить врачебному съѣзду разсмотрѣніе вопроса о борьбѣ съ сифилисомъ или алкоголизмомъ безъ того, чтобы не раздались голоса о необходимости *правового порядка*. Въ роли министра внутреннихъ дѣлъ Плеве выступалъ съ предвзятымъ намѣреніемъ побороть «главный недугъ современной общественной жизни—*конституціонную* [1]) смуту». За два года и четыре мѣсяца своей дѣятельности онъ сдѣлалъ очень много для того, чтобы обострить общественное недовольство, безъ всякой пользы для преслѣдовавшейся имъ коренной задачи.

Въ области *земскаго самоуправленія* министръ принималъ совершенно искусственныя мѣры для ограниченія его функцій; таковы были: 1) испрошеніе Высочайшаго повелѣнія о прекращеніи дальнѣйшаго собиранія свѣдѣній по переоцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ; 2) ветеринарный законъ 12 іюня 1902 г.; 3) правила о принятіи мѣръ къ прекращенію холеры и чумы 11 августа 1903 г.; 4) правила для санитарно-исполнительныхъ комиссій по предупрежденію и борьбѣ съ заразными болѣзнями отъ 10 іюня 1904 г.; 5) приглашеніе въ главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства гласныхъ отъ земскихъ собраній и городскихъ думъ по избранію самого министра, а не по выборамъ отъ органовъ общественнаго самоуправленія; 6) предположенія объ упраздненіи губернскихъ земскихъ собраній; 7) воспрещеніе обще-земской организаціи помощи больнымъ и раненымъ на театрѣ военныхъ дѣйствій,

---

1) Не революціонную даже, а конституціонную.

какъ «противо-государственной»; 8) отстраненіе отъ должностей земскихъ дѣятелей въ Тверской, Вологодской и Новгородской губерніяхъ, съ назначеніемъ въ нихъ отъ правительства руководителей земства, и 9) административная высылка неугодныхъ Плеве земскихъ дѣятелей.

По крестьянскому вопросу Плеве выступилъ рѣшительнымъ противникомъ результатовъ, добытыхъ обширными трудами, разработанными по программѣ особаго совѣщанія для выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности и составившими послѣ 3-хъ лѣтъ усиленныхъ занятій 85 печатныхъ томовъ мѣстныхъ изслѣдованій и ихъ сводокъ. Плеве усмотрѣлъ въ правѣ, предоставленномъ мѣстнымъ комитетамъ, свободно обсуждать сельско-хозяйственныя нужды Россіи и привлекать къ комитетскимъ работамъ частныхъ дѣятелей вредное для государства критическое отношеніе общественныхъ силъ къ существующему строю. Враждебность В. К. Плеве къ большинству намѣчавшихся комитетами мѣропріятій объяснялась тѣмъ, что, по заключенію многихъ комитетовъ, мѣропріятія, обнимавшія важнѣйшія стороны сельско-хозяйственнаго уклада, подлежали введенію въ жизнь при широкомъ привлеченіи къ дѣлу мѣстныхъ общественныхъ силъ и развитіи общественной земской организаціи, такъ какъ земство, въ смыслѣ органа, избираемаго самимъ населеніемъ и близко къ нему стоящаго, наиболѣе пригодно для всесторонняго попеченія о мѣстныхъ нуждахъ и осуществленія мѣропріятій въ этой области; Плеве же допускалъ соучастіе земствъ во внутреннемъ управленіи въ тѣхъ предѣлахъ, какіе за нимъ согласилось бы признать бюрократическое усмотрѣніе.

Поэтому, по мысли Плеве, выраженной во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 26 октября 1903 г., при министерствѣ была образована особая редакціонная

комиссія, истинною задачею которой было нейтрализировать и свести на-нѣтъ работы особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, а гласною цѣлью выставлялся пересмотръ законодательства о крестьянахъ на почвѣ основныхъ началъ положенія 19 февраля 1861 г., въ цѣляхъ дальнѣйшаго ихъ развитія. Во исполненіе этого редакціонною комиссіею былъ разработанъ въ бюрократическомъ порядкѣ рядъ проектовъ, которые, ставя цѣлью утвержденіе обособленности крестьянскаго сословія и установленнаго въ соотвѣтствіи съ нимъ особливаго порядка управленія, сохраняли въ полной неприкосновенности безконтрольное усмотрѣніе земскихъ начальниковъ и сельскихъ властей, безурядицу волостной юстиціи, полную зависимость крестьянъ отъ міра, который можетъ подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію, и весьма рѣшительно игнорировались пожеланія земствъ, сказавшіяся въ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, которые довольно дружно настаивали на полномъ освобожденіи личности крестьянина и уравненіи его въ правахъ съ другими сословіями.

Въ области *рабочаго вопроса* 30 мая 1903 г. статсъ-секретаремъ Плеве было испрошено Высочайшее повелѣніе о подчиненіи фабричной инспекціи Министерства Финансовъ вѣдѣнію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по примѣненію закона и изданныхъ въ его развитіе правилъ, инструкцій и наказовъ по части соблюденія на фабрикахъ и заводахъ должнаго благоустройства и порядка. Мѣропріятіе это было проведено Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ по соображеніямъ политическимъ, въ виду участившихся безпорядковъ въ средѣ рабочихъ, и превращало инспекцію въ «фабричную полицію».

Двойственность подчиненія фабричной инспекціи открыла широкій просторъ для дѣятельности охранныхъ отдѣленій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, затѣявшихъ устраивать рабочія сотоварищества въ цѣляхъ благонамѣреннаго направленія ихъ дѣятельности. Разрѣшеніе сложной соціально-политической задачи чрезъ полицейскія усмотрѣнія, съ помощью *«зубатовщины»*, привело Плеве къ мысли по этому же началу устроить и собраніе фабрично-заводскихъ рабочихъ въ С.-Петербургѣ, поставивъ во главѣ дѣла священника Гапона.

Укрывшись подъ покровительствомъ властнаго министра отъ всякихъ подозрѣній въ неблагонадежности, Георгій Гапонъ *осторожно*, слегка держась въ фарватерѣ лѣваго берега и усыпляя дѣятельность охраннаго отдѣленія, направилъ собраніе фабрично-заводскихъ рабочихъ въ русло соціалъ-демократическихъ идеаловъ и такимъ образомъ исподволь подготовилъ сближеніе интеллигентнаго и рабочаго пролетаріата для совмѣстной противоправительственной пропаганды.

Впослѣдствіи В. К. фонъ-Плеве почти уже угадалъ характеръ дѣятельности Георгія Гапона и, какъ установлено въ заграничной прессѣ, приказалъ его арестовать, но 15 іюля 1904 г. былъ убитъ по порученію партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Прямолинейная и, можно сказать, стальная дѣятельность В. К. фонъ-Плеве привела къ возмущенію общественной совѣсти и вызвала цѣлый рядъ печальныхъ эксцессовъ: за время его управленія министерствомъ погибъ финляндскій генералъ-губернаторъ Н. И. Бобриковъ (3—4 іюня 1904 г.), произведены были покушенія на виленскаго генералъ-губернатора фонъ-Валя (5 мая 1902 г.) и ломжинскаго губернатора барона Корфа (10 января 1904 г.), а въ Варшавѣ были убиты помощникъ начальника охраннаго отдѣленія ротм. Виннищукъ и помощникъ

полицейскаго пристава Ордоновскій (14 апрѣля 1904 г.). Этими фактами, конечно, не исчерпывается списокъ террористическихъ выступленій, изъ которыхъ здѣсь указаны только наиболѣе крупныя. Незадолго передъ вступленіемъ его въ должность министра внутреннихъ дѣлъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ (въ 1902 г.) разыгрались аграрные безпорядки, сопровождавшіеся довольно рѣшительными выступленіями крестьянства противъ помѣщичьей собственности, какъ результатъ «разъяснительной» дѣятельности представителей соціалистическихъ партій, ведущихъ свое происхожденіе отъ украйнофиловъ, народниковъ, чернопередѣльцевъ и т. д.

Въ 1903 году сначала въ Кишиневѣ (6 и 7 апрѣля), а затѣмъ осенью (1 и 2 сентября) въ Гомелѣ разразились *еврейскіе погромы*. Особенно внушительные размѣры принялъ кишиневскій погромъ. Согласно офиціальнымъ даннымъ (циркуляръ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ мѣстнымъ властямъ о неукоснительномъ принятіи мѣръ къ предупрежденію насилій), убито было 45 человѣкъ, тяжело ранено 74, легкія пораненія получили 350 человѣкъ. Во время безпорядковъ расхищено 600 лавокъ и разграблено до 700 еврейскихъ домовъ. Въ Гомелѣ было убито 7 человѣкъ, много поранено; разгромлено около 200 лавокъ и домовъ, а убытковъ причинено на 100 слишкомъ тысячъ рублей.

Въ обоихъ случаяхъ погромы предвидѣлись заранѣе, но мѣстная администрація не принимала никакихъ мѣръ къ отвращенію насильственныхъ дѣйствій. Погромщики въ теченіе двухъ дней кучками въ 20—25 человѣкъ систематически и послѣдовательно производили нападенія на отдѣльные дома и лавки. Эти вопіющіе факты, сдѣлавшись достояніемъ печати, возбудили, по справедливости, большое негодованіе об-

щественнаго мнѣнія въ Россіи и за границею, особливо же среди запуганной и замкнувшейся въ кружки русской интеллигенціи.

Погромы имѣли и политическое послѣдствіе: они создали рѣшительный толчокъ къ развитію революціоннаго движенія среди еврейства. Именно послѣ кишиневскаго погрома евреи стали выселяться изъ русскихъ губерній, а еврейская молодежь, образуя кружки самообороны, начала объединяться подъ знаменемъ «Бунда» и въ значительной степени пріумножила броженіе въ Царствѣ Польскомъ, Юго и Сѣверо-Западномъ и Прибалтійскомъ краѣ, выступая съ разнообразными проявленіями революціоннаго духа, которыя, въ свою очередь, находили поддержку въ агитаціи многочисленныхъ мѣстныхъ подпольныхъ соціалистическихъ организацій.

Наконецъ при объявленіи войны съ Японіею получили широкое и повсемѣстное распространеніе прокламаціи отъ многочисленныхъ соціалъ-демократическихъ и соціалъ-революціонныхъ организацій.

Всѣ эти факты убѣдительно показываютъ, что задача, поставленная себѣ статсъ - секретаремъ Плеве, «бороться со смутою», оказалась безуспѣшною и цѣли не достигла. Два слишкомъ года попытокъ, направленныхъ къ подавленію не столько общественной смуты, сколько всякой общественной самостоятельности, успѣли даже газету *Гражданинъ* разочаровать *«въ политикѣ офиціальнаго консерватизма»*, такъ какъ князю В. П. Мещерскому не безъ основанія казалось вреднымъ вводить «въ политику полицейско-бюрократическій абсолютизмъ подъ предлогомъ самодержавія, превращая послѣднее въ орудіе борьбы противъ русскаго общества, земства и интеллигенціи».

Политика Плеве и ея пріемы нанесли серьезный вредъ абсолютизму въ Россіи въ томъ смыслѣ, что

они усилили въ сознательномъ обществѣ: въ интеллигенціи (буржуазіи), въ рабочемъ классѣ и среди крестьянства критическое отношеніе къ правительству и вызвали къ жизни революціонное настроеніе, которое всегда, въ порядкѣ постепенности и психологическихъ переживаній, предшествуетъ крупнымъ политическимъ переворотамъ, будь они мирные или насильственные, безразлично.

Впрочемъ, В. К. фонъ-Плеве уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по занятіи должности министра внутреннихъ дѣлъ, повидимому, началъ сознавать безнадежность усилій удержать революцію въ подпольѣ. Онъ увлекся ни на чемъ необоснованной мыслью использовать конфликтъ между Японіей и Россіей для успокоенія или, вѣрнѣе, для отвлеченія умовъ отъ занятія вопросами внутренней политики къ военнымъ событіямъ. Между тѣмъ, наперекоръ идеологическимъ предположеніямъ самовластнаго министра, русско - японская война, со всѣми ея военными неудачами и разгромами, и была роковымъ толчкомъ въ русскомъ народномъ движеніи. Этому въ сильнѣйшей степени способствовали: a) нравственная деморализація народнаго духа; b) паденіе вѣры въ правительство; c) тяжелыя вѣсти съ войны о пораженіяхъ и потеряхъ; d) общее экономическое обѣдненіе и e) усилившаяся въ деревняхъ и въ арміи революціонная пропаганда.

II.

Русско-японская война.

Самая война съ Японіею произошла внѣ всякаго предвидѣнія оттого, что довольно внезапно было рѣшено принять вызывающую политику статсъ-секретаря Безобразова взамѣнъ мирной политики, наиболѣе влія-

тельнымъ представителемъ которой являлся тогдашній министръ финансовъ С. Ю. Витте. Пока на сторонѣ Безобразова находились лишь его ставленники: намѣстникъ генералъ-адъютантъ Алексѣевъ, завѣдывавшій дѣлами Дальняго Востока контръ-адмиралъ Абаза, нежданно объявившіеся спеціалисты по экономическимъ вопросамъ Дальняго Востока Вонлярлярскій и Матюнинъ и нѣкоторые высшіе представители дворцовыхъ сферъ, къ объявленію войны не имѣлось никакихъ шансовъ.

Еще во время русско-китайской войны статсъ-секретарь С. Ю. Витте, по поводу оккупаціи Манджуріи, предостерегалъ, что Россія вовсе не подготовлена для проведенія агрессивной политики.

Позднѣе, по возвращеніи изъ поѣздки для осмотра Сибирской и Восточно-Китайской желѣзныхъ дорогъ, С. Ю. Витте, въ началѣ 1903 г., за пять мѣсяцевъ до своего ухода съ поста министра финансовъ и устраненія отъ дѣлъ, и *за годъ до войны*, въ докладѣ о своей поѣздкѣ выражался еще опредѣленнѣе:

«Многими высказывается взглядъ, что Россія не должна дѣлать Японіи въ корейскомъ вопросѣ никакихъ уступокъ, хотя бы и временныхъ, что война съ Японіей, во всякомъ случаѣ, рано или поздно для нея неизбѣжна, и что поэтому лучше всего для Россіи теперь же объявить Японіи войну, разгромить и уничтожить ее, пока она еще не успѣла особенно усилить своего боевого флота.

«Къ такому взгляду я, съ своей стороны, не могу присоединиться. Возможно, что, благодаря проведенію Китайско-Восточной желѣзной дороги, въ недалекомъ будущемъ должно произойти сближеніе Россіи съ Японіей на почвѣ торгово-промышленныхъ интересовъ, а тѣсное сближеніе народовъ въ этой области является однимъ изъ наиболѣе могучихъ факторовъ въ дѣлѣ устраненія вооруженныхъ международныхъ

конфликтовъ. Есть поэтому нѣкоторое основаніе надѣяться, что и намъ удастся въ будущемъ найти на этой почвѣ мирное разрѣшеніе тѣхъ вопросовъ, на которыхъ въ настоящее время сталкиваются интересы Россіи и Японіи на Дальнемъ Востокѣ. Но если бы эта надежда въ дѣйствительности оказалась ложной, и правы были бы тѣ, кто утверждаетъ противное, то, во всякомъ случаѣ, неизбѣжное столкновеніе необходимо отсрочить и постараться найти хотя временный выходъ въ какомъ-либо компромиссѣ, удовлетворяющемъ желанія Японіи относительно Кореи.

«*По моему мнѣнію, вооруженная борьба съ Японіей въ ближайшіе годы была бы для насъ большимъ бѣдствіемъ*. Я не сомнѣваюсь, что изъ этой борьбы Россія вышла бы побѣдительницею, но побѣда при настоящемъ положеніи досталась бы ей цѣною большихъ жертвъ и тяжело отразилась бы на ея экономическомъ положеніи. Чтобъ умалить значеніе этихъ неблагопріятныхъ послѣдствій столкновенія, Россіи необходимо предварительно серьезно подготовиться. Необходимо помнить, что при настоящихъ отношеніяхъ къ намъ правительства богдыхана въ случаѣ войны съ Японіей правительство это едва ли останется празднымъ зрителемъ происходящаго [1]). Поэтому, прежде чѣмъ попытать счастья въ вооруженной борьбѣ съ имперіей микадо, Россіи необходимо уладить свои отношенія съ Срединной Имперіей. Существенно важно также для Россіи, чтобы она была лучше подготовлена въ стратегическомъ отношеніи, начиная войну съ такимъ сравнительно *сильнымъ противникомъ*. Съ этой точки зрѣнія было бы желательно до столкновенія съ Японіей окончательно оборудовать Китайскую Восточ-

1) Пророчество статсъ-секретаря С. Ю. Витте на этотъ разъ не сбылось. Правительство богдыхана вело себя смирно.

ную желѣзную дорогу, организовать ея эксплуатацію, ввести администрацію въ полосѣ отчужденія и вообще урегулировать множество связанныхъ съ этой желѣзной дорогой вопросовъ; далѣе было бы необходимо усилить Средне-Сибирскую и достроить Кругобайкальскую желѣзную дорогу, закончить оборудованіе Портъ-Артура, расчитанное Морскимъ Министерствомъ еще *на десять лѣтъ*, и улучшить въ военномъ отношеніи Владивостокъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ флотъ нашъ будетъ лишенъ одного изъ важныхъ условій успѣха въ морской войнѣ — возможности быстрой починки поврежденныхъ судовъ.

«Я далекъ отъ мысли, что предполагаемый мною компромиссъ съ Японіей долженъ быть купленъ безусловно лишь цѣною полнаго отказа съ нашей стороны отъ Корейскаго полуострова. Весьма возможно, что Японія, страдающая, несомнѣнно, не менѣе Россіи отъ настоящей неопредѣленности положенія, готова будетъ удовлетвориться и меньшей уступкой. Но, придавая при настоящихъ обстоятельствахъ нашимъ мирнымъ отношеніямъ къ Японіи исключительно важное значеніе, я полагалъ бы, что, въ крайнемъ случаѣ, намъ можно было бы даже и совсѣмъ поступиться Кореею, если только Японія предоставитъ намъ за это соотвѣтствующія компенсаціи. Лично для меня нѣтъ сомнѣнія, что изъ двухъ золъ — вооруженнаго столкновенія съ Японіей и полной уступки ей Кореи — въ ближайшемъ будущемъ для Россіи является меньшимъ второе. Нельзя забывать, что война съ Японіей не только будетъ тяжела сама по себѣ [1]), но *и ослабитъ*

[1]) Въ этомъ отношеніи статсъ-секретарь С. Ю. Витте оказался пророкомъ. Война обошлась Россіи почти въ $2^1/_2$ милліарда рублей, при 200.000 человѣкъ убитыми и ранеными, и получилось общее ослабленіе ея международнаго престижа на многіе годы.

насъ на Западѣ и на Ближнемъ Востокѣ, поставивъ въ трудное положеніе въ отношеніи другихъ державъ. У Россіи много враговъ и недоброжелателей, которые завидуютъ ей, но боятся ея могущества. Прекрасно понимая всю опасность для насъ войны на два фронта, эти недоброжелатели станутъ все смѣлѣе и смѣлѣе ставить свои требованія и заявлять такія притязанія, о которыхъ никогда не осмѣлились бы думать, если бы у Россіи не были связаны руки вооруженной борьбой на Дальнемъ Востокѣ.

«Напротивъ, поступаясь въ извѣстной степени Кореей, мы устранимъ на довольно долгое время предметъ постоянныхъ недоразумѣній съ Японіей, и изъ врага, вѣчно грозящаго нападеніемъ, превратимъ ее если не въ союзника, то въ сосѣда, стремящагося сохранить добрыя съ нами отношенія изъ опасенія вновь лишиться съ такимъ трудомъ пріобрѣтенной территоріи. Несомнѣнно такъ же, что громадныя затраты, необходимыя для устройства новыхъ владѣній въ Кореѣ, на ихъ охрану и организацію въ нихъ управленія, тяжело отразятся на финансовомъ положеніи Японіи, и безъ того не блестящемъ, и въ значительной мѣрѣ ее обезсилятъ.

«На основаніи изложенныхъ соображеній позволяю себѣ доложить, что скорѣйшее устраненіе на мирной почвѣ взаимныхъ уступокъ, недоразумѣній по корейскимъ дѣламъ, осложняющихъ наши отношенія съ Японіей, представляетъ собою, по моему глубокому убѣжденію, одну изъ важнѣйшихъ, стоящихъ на очереди, задачъ русской политики на Дальнемъ Востокѣ. Достиженіе этой цѣли, т.-е. соглашенія, которое успокоило бы Японію насчетъ замысловъ Россіи на Корейскомъ полуостровѣ, примирило бы ее съ нашимъ положеніемъ въ сѣверномъ Китаѣ и тѣмъ устранило бы одинъ изъ опасныхъ поводовъ для возможной кро-

вавой распри на Дальнемъ Востокѣ, явилось бы, на ряду съ улаженіемъ нашихъ отношеній съ имперіей богдыхана, новымъ блестящимъ успѣхомъ въ дѣлѣ мирнаго разрѣшенія задачъ, возложенныхъ исторіею на Россійскую державу».

Со временемъ, когда русское общество ознакомится съ мемуарами генералъ-адъютанта А. Н. Куропаткина, оно узнаетъ, что не задолго до его назначенія командующимъ арміей Дальняго Востока, онъ въ интимной бесѣдѣ съ В. К. Плеве сталъ упрекать послѣдняго, что война не была бы и объявлена, если бы Плеве не отдѣлился отъ остальныхъ министровъ и не поддержалъ всѣмъ своимъ авторитетомъ политическихъ видовъ Безобразова. В. К. Плеве молча выслушалъ упреки, но, уходя изъ кабинета Куропаткина, положилъ руку на плечо генералу и проникновенно изрекъ: «Повѣрьте мнѣ, Алексѣй Николаевичъ, намъ необходима маленькая побѣдоносная война — иначе революцію удержать невозможно» [1]).

Вопреки предположеніямъ В. К. Плеве, война съ Японіею не только не разрядила атмосферу смуты, но въ развитіи антиправительственныхъ теченій именно и сыграла наисущественнѣйшую роль. На правительство съ самаго начала посыпались нареканія въ томъ, что война затѣяна для отвлеченія общественнаго вниманія отъ внутреннихъ дѣлъ. Министерству Иностранныхъ Дѣлъ часто несправедливо ставилась въ вину неосвѣдомленность объ истинномъ положеніи Японіи, преуменьшеніе ея значенія и силъ, легкомысленная оптимистичность надеждъ на сохраненіе мира при неподатливости на предложенія Японіи для достиженія миролюбиваго соглашенія. Война сразу открылась выведеніемъ

---

[1]) Фактъ удостовѣренный.

изъ строя значительной части портъ-артурской эскадры, а всѣ дальнѣйшія неудачи и бѣдствія, которыми она была столь богата, повергли русское общество въ ужасъ и отчаяніе. Обвиненія въ томъ, что, несмотря на значительныя и постоянныя бюджетныя ассигнованія на сухопутную армію и флотъ, a) ни армія ни флотъ не оказываются на высотѣ положенія и обнаруживаютъ серьезные недочеты въ техническомъ оборудованіи; что b) высшее командованіе не проявляетъ достаточной распорядительности; что c) мобилизаціонная часть дурно организована, скопляя безцѣльно запасныхъ и обставляя ихъ призывы тяжелыми условіями, возбуждающими ропотъ; что d) провозоспособность желѣзныхъ дорогъ не отвѣчаетъ требованіямъ, выдвинутымъ войною, и т. д. и т. д.: всѣ эти обвиненія и обличенія, приправляемыя злорадными комментаріями и враждебными измышленіями въ особенности подпольной и зарубежной печати, болѣе полутора года будоражили русское общество и вызывали въ немъ враждебное чувство къ условіямъ, породившимъ всю обнаруживающуюся безурядицу въ отправленіи важнѣйшей государственной функціи по охранѣ военной безопасности страны. Равнымъ образомъ, сѣтованія на подрывъ финансовъ и экономическаго благосостоянія находили себѣ истолкованіе не столько въ смутѣ, сколько приписывались возмутительной войнѣ, ибо смута составляла естественныя ея послѣдствія.

Сосредоточивая свое вниманіе на тѣхъ заботахъ, которыя вызывали перипетіи военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ, правительство въ области внутренней политики не проявляло никакой рѣшимости предпринять серьезныя мѣры къ успокоенію общественнаго мнѣнія.

III.

Кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ смерти Плеве должность министра внутреннихъ дѣлъ оставалась незамѣщенною, и только въ сентябрѣ 1904 года произошло, наконецъ, назначеніе князя П. Д. Святополкъ-Мирскаго.

На пріемѣ 16 сентября чиновъ министерства князь П. Д. Святополкъ-Мирскій изложилъ въ своей рѣчи, что въ основу внутренней политики имъ будутъ положены начала манифеста 26 февраля 1903 г.,—другими словами, его программа сводилась къ тому, чтобы «укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ»; чтобы «продолжить дѣятельное проведеніе въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію имущественнаго положенія православнаго духовенства, усугубляя плодотворное участіе священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы»; чтобы «труды по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи по ихъ первоначальномъ выполненіи... передать для дальнѣйшей разработки и согласованія съ мѣстными особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ». Въ основу же трудовъ этихъ министръ считалъ нужнымъ положить *неприкосновенность общественнаго строя* крестьянскаго землевладѣнія, изыскавъ одновременно способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины «и принявъ мѣры къ отмѣнѣ для крестьянъ круговой поруки»; онъ желалъ преобразовать губернское и

уѣздное управленіе для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей, руководимыхъ сильною и закономѣрною властью. При этомъ задачею упорядоченія мѣстнаго быта предполагалось поставить «сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду направить дѣятельность государственныхъ кредитныхъ установленій «къ вящшему укрѣпленію и развитію благосостоянія основныхъ устоевъ русской сельской жизни—помѣстнаго дворянства и крестьянства».

Князь Святополкъ-Мирскій высказывалъ ту мысль, что для плодотворности правительственнаго труда необходимо искреннее, благожелательное и довѣрчивое отношеніе къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію.

Новый министръ изъявлялъ полную готовность расширить дѣятельность органовъ самоуправленія предоставленіемъ городскимъ и земскимъ учрежденіямъ болѣе широкой свободы и возможно большаго авторитета. Отъ печати, освобожденной отъ излишнихъ цензурныхъ стѣсненій, ожидалось, что, служа искренно и благожелательно нуждамъ общества, она станетъ содѣйствовать правительству.

Въ первый же мѣсяцъ управленія князь Святополкъ-Мирскій вернулъ изъ ссылки и возстановилъ въ правахъ многочисленныхъ земскихъ и общественныхъ дѣятелей (сосланныхъ при Плеве); 5 октября было испрошено Высочайшее соизволеніе на офиціальный созывъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ' но въ виду заявленія организаціоннаго бюро совѣщаній земскихъ дѣятелей о необходимости расширить программу занятій будущаго съѣзда для всесторонняго выясненія недуговъ нашей общественной и государ-

ственной жизни и тѣхъ основаній, на которыхъ слѣдуетъ построить взаимодѣйствіе правительства и общества, офиціальное разрѣшеніе совѣщанія было отклонено съ оговоркою, что полицейская власть устройству частнаго совѣщанія земскихъ дѣятелей на прежнихъ основаніяхъ противодѣйствовать не будетъ.

Состоявшееся съ 6 по 9 ноября 1904 г. въ С.-Петербургѣ земское совѣщаніе высказалось въ томъ смыслѣ, что для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо участіе народнаго представительства, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи.

Заключенія совѣщанія въ подробномъ и мотивированномъ изложеніи были представлены министру внутреннихъ дѣлъ для доклада Государю, а вслѣдъ за тѣмъ къ Его Величеству былъ обращенъ рядъ адресовъ отъ земствъ: Бессарабскаго, Воронежскаго, Вятскаго, Екатеринославскаго, Калужскаго, Костромского, Московскаго, Нижегородскаго, Новгородскаго, Полтавскаго, Псковскаго, Самарскаго, Саратовскаго, Таврическаго, Уфимскаго, Харьковскаго и Черниговскаго. Всѣ эти адресы *въ почтительныхъ и осторожныхъ выраженіяхъ* ходатайствовали о проведеніи въ жизнь началъ, изложенныхъ въ постановленіяхъ обще-земскаго совѣщанія, и вездѣ болѣе или менѣе вразумительно подчеркивалось, что успокоеніе и умиротвореніе Россіи не можетъ быть достигнуто путемъ частныхъ реформъ, хотя бы и при участіи выборныхъ представителей отъ общественныхъ учрежденій, но необходимы болѣе коренныя преобразованія.

Еще до поступленія иныхъ изъ этихъ адресовъ рѣшеніе правительствомъ было уже принято, и въ сообщеніи, воспослѣдовавшемъ 12 декабря 1904 г., ука-

зывалось на совѣщаніе «нѣкоторыхъ гласныхъ», выразившее рядъ пожеланій о необходимыхъ реформахъ, на обсужденіе ихъ въ печати и, «вопреки требованіямъ закона», въ засѣданіяхъ городскихъ думъ и земскихъ собраній. Затѣмъ правительственное сообщеніе переходило къ тому, что—«подъ вліяніемъ лицъ, стремящихся внести въ общественную и государственную жизнь смуту и воспользоваться возникшимъ въ обществѣ волненіемъ умовъ», движеніе, выразившееся въ шумныхъ сборищахъ и уличныхъ демонстраціяхъ, старается придать волненіямъ «несвойственное имъ значеніе общаго стремленія», а требованія, «направленныя къ коренному измѣненію вѣками освященныхъ устоевъ русской государственной жизни» признавались непріемлемыми «въ силу освященныхъ основными законами имперіи незыблемыхъ началъ нашего государственнаго строя».

На ряду съ правительственнымъ сообщеніемъ именной указъ Правительствующему Сенату, отъ того же 12 декабря, значительно расширялъ рамки преобразованій, чѣмъ тѣ, какія предусматривались въ манифестѣ 26 февраля 1903 г., но и они были направлены только на «внесеніе въ законодательство существенныхъ нововведеній»:

1) къ охраненію полной силы закона;

2) къ привлеченію къ участію въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія;

3) къ объединенію судебной части и обезпеченію самостоятельности судебныхъ установленій;

4) къ государственному страхованію рабочихъ;

5) къ пересмотру исключительныхъ узаконеній;

6) къ пересмотру узаконеній о дѣлахъ раскольниковъ и лицъ, принадлежащихъ къ инославнымъ исповѣданіямъ;

7) къ пересмотру узаконеній, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ частей имперіи, и

8) къ устраненію излишнихъ стѣсненій печатнаго слова и введенію его въ точно опредѣленныя закономъ границы.

Намѣчавшіяся въ правительственной программѣ нововведенія, несомнѣнно, являлись тѣми самыми, которыхъ русское общество давно уже и настойчиво добивалось устами печати. По замѣчанію газеты «Право», если бы еще годъ назадъ повременная печать огласила статью, предъявляющую къ правительству программу тѣхъ самыхъ требованій, удовлетвореніе коихъ указъ 12 декабря признавалъ теперь неотложнымъ, смѣлый органъ печати, какъ явно неблагонадежный, подвергся бы репрессіи.

Въ декабрѣ 1904 г. правительство уже по собственному почину охотно шло на частичныя реформы, но на взглядъ русскаго общества онѣ оказывались недостаточными и сами собою подразумѣвались при достиженіи коренного преобразованія русской государственности.

Въ свою очередь, правительство конституціонные запросы общества квалифицировало, какъ происки смутьяновъ, выдающихъ свои вожделѣнія и виды за общія стремленія, и признавало непріемлемыми коренныя измѣненія вѣковыхъ устоевъ русской государственной жизни. Острый конфликтъ между правительствомъ и обществомъ, такимъ образомъ, становился неизбѣжнымъ и разыгрался съ стремительностью и силою, какія оказались внѣ всякаго предвидѣнія.

Подробныя и точныя свѣдѣнія насчетъ истинныхъ пружинъ, приведшихъ въ дѣйствіе революціонное движеніе, не опубликованы, но можно считать достовѣрнымъ, что вспышки и выступленія крайнихъ лѣвыхъ партій съ начала 1904 г. инспирировались и предпринимались по общимъ указаніямъ революціон-

наго комитета, пребывавшаго то въ Парижѣ, то въ Женевѣ и только по осени 1905 г. перенесшаго свою штабъ-квартиру въ Москву.

Въ нѣкоторой невыясненной связи съ этимъ центромъ стоитъ соглашеніе, состоявшееся осенью 1904 г. въ Парижѣ «между оппозиціонными и революціонными организаціями Россійскаго государства», оглашенное текстуально въ листкѣ «Освобожденіе», печатавшемся тогда въ Парижѣ (№ 17, отъ 9 ноября 1904 года). Не воспроизводя относящихся сюда протокола, пунктовъ соглашенія и декларацiи цѣликомъ, достаточно отмѣтить, что соглашеніе исходило изъ предпосылки, что «быстрый ростъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ и фактическая дезорганизація русской правительственной власти и вырожденіе существующаго режима дѣлаютъ вопросъ о его ликвидацiи насущнымъ и своевременнымъ»; поэтому представленныя на конференцiи группы соединяются для согласованныхъ дѣйствій, но отнюдь не отказываются отъ пунктовъ своихъ партійныхъ программъ или отъ тактическихъ пріемовъ борьбы, соотвѣтствующихъ потребностямъ, силамъ и положенію тѣхъ общественныхъ элементовъ, классовъ и національностей, интересы которыхъ группы эти представляютъ. Въ то же время «всѣ эти партіи одинаково признаютъ слѣдующіе основные принципы и требованія»:

1.

«Уничтоженіе самодержавія и отмѣна всѣхъ мѣръ нарушившихъ конституціонныя права Финляндiи».

2.

«Замѣну самодержавнаго строя свободнымъ демократическимъ режимомъ на основѣ всеобщей подачи голосовъ».

3.

«Право національнаго самоопредѣленія, гарантированную законами свободу національнаго развитія для всѣхъ народностей; устраненіе насилія со стороны русскаго правительства по отношенію къ отдѣльнымъ націямъ».

«Во имя этихъ основныхъ принциповъ и требованій представленныя на конференціи партіи соединятъ свои усилія для ускоренія неизбѣжной гибели абсолютизма, одинаково несовмѣстимаго съ достиженіемъ разнообразныхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ каждая изъ этихъ партій».

Такъ какъ ни пренія, происходившія на конференціи, ни рѣшенія по вопросу о дальнѣйшихъ согласованныхъ дѣйствіяхъ партій, естественно, не оглашались, то открывается широкій просторъ для гаданій, что именно во вскорѣ начавшихся революціонныхъ выступленіяхъ вызывалось «согласованнымъ почином oппозиціонныхъ и революціонныхъ партій», участвовавшихъ въ парижскомъ соглашеніи, и что составляло самопроизвольное проявленіе личной или партійной инициативы революціонныхъ «добытчиковъ свободы».

Тѣмъ не менѣе, этимъ соглашеніемъ въ значительной степени объясняется, съ одной стороны, единодушіе, съ которымъ почти одновременно, точно по общему заданію, выступаютъ съ тождественными, но возрастающими вмѣстѣ съ революціей, требованіями самыя разнородныя общественныя организаціи, а позднѣе союзы, не столько по примѣру старой французской революціи, сколько развивавшіеся по рецептамъ Маркса-Энгельса и Каутскаго, а съ другой—осмысливается кажущаяся *безпорядочность*, съ которою возникаютъ и протекаютъ

революціонныя движенія, то вспыхивая, то потухая, на периферіи и въ центрѣ обширной страны, въ средѣ городского и рабочаго пролетаріата и въ средѣ сельскаго населенія, а на ряду съ ними совершаются и террористическія покушенія противъ высшихъ чиновъ и исполнительныхъ агентовъ администраціи.

Краткая лѣтопись тревожныхъ событій, развертывавшихся съ конца 1904 г. *по 17 октября 1905 г.*, можетъ быть изложена въ такомъ порядкѣ:

Въ октябрѣ 1904 г.:

6—въ Бѣлостокѣ разрывной снарядъ, брошенный въ канцеляріи городской полиціи, убиваетъ злоумышленника и ранитъ 6 человѣкъ.

10—11—въ Бѣлостокѣ народная чернь громитъ дома и квартиры и бьетъ евреевъ.

17—19 и 25—въ Петербургѣ уличныя демонстраціи народной толпы и учащейся молодежи.

31—въ Варшавѣ крупные уличные безпорядки съ красными флагами, употребленіемъ войсками въ дѣло оружія, многочисленными арестами, 9 смертями и 25 ранеными.

Въ ноябрѣ 1904 г.:

19—безпорядки въ Тенишевскомъ училищѣ вслѣдствіе усиленнаго наплыва толпы, свыше 1000 человѣкъ, въ залъ, уже переполненный слушателями для бесѣды о положеніи печати.

28—демонстрація на Казанской площади учащейся молодежи, 132 ареста и 42 раненыхъ. Членъ Государственнаго Совѣта генер.-лейт. князь Вяземскій, какъ бы за сочувствіе безпорядкамъ, высылается на годъ въ свою деревню.

Въ декабрѣ 1904 г.:

Въ 1-хъ числахъ въ Москвѣ уличные безпорядки съ преобладающимъ участіемъ студенчества, что вызвало временное закрытіе университета.

12—въ Радомѣ демонстрація революціоннаго соціалистическаго характера, потребовавшая вмѣшательства войскъ, при чемъ убитъ командиръ Могилевскаго пѣхотнаго полка полк. Булатовъ.

Съ 13 декабря по 4 января 1905 г. грандіозная забастовка въ бакинскомъ нефтепромышленномъ районѣ съ пожарами, разрушеніемъ 125 вышекъ и 300 пострадавшими.

Въ январѣ 1905 г.:

3—забастовка въ Петербургѣ рабочихъ Путиловскаго завода (до 12 тыс. челов.)

Въ Москвѣ покушеніе на оберъ-полиціймейстера Д. Ѳ. Трепова (будущаго фактическаго диктатора).

7—забастовка рабочихъ Невскаго судостроительнаго и механическаго завода (6.300 человѣкъ), Невской бумагопрядильной мануфактуры, Невской ниточной мануфактуры, Екатерингофской бумагопрядильни, франко-русскаго завода и т. д.

Съ 7 же забастовки на желѣзныхъ дорогахъ Петербургскаго узла.

9—устраивается *свящ. Гапономъ* шествіе рабочихъ партіями, стягиваемыми со всѣхъ городскихъ окраинъ, къ Зимнему Дворцу для подачи *челобитной* Государю, хотя Его Величество въ то время пребывалъ въ Царскомъ-Селѣ; при столкновеніи рабочихъ съ войсками *76 убитыхъ и 233 раненыхъ*.

Какъ послѣдствіе броженія, вызваннаго событіемъ 9 января: забастовка студентовъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и въ Академіи Художествъ.

IV.

Ген. Треповъ. Булыгинъ. Фактическая диктатура. Текущія событія.

Шествіе, организованное свящ. Гапономъ, вызываетъ неожиданное назначеніе петербургскимъ генералъ-губернаторомъ Д. Ѳ. Трепова, ранѣе покинувшаго постъ московскаго оберъ - полицiймейстера вслѣдствіе несогласія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ княземъ Святополкъ - Мирскимъ. *Это назначеніе вызываетъ 18 января увольненіе кн. Святополкъ-Мирскаго.* Вмѣсто него назначается Булыгинъ, а товарищемъ къ нему съ особыми правами тотъ же самый Д. Ѳ. Треповъ. Эта комбинація Булыгинъ-Треповъ, а въ сущности диктатура Трепова, и управляетъ Россіею сплошь до 17 октября 1905 года.

11—безпорядки въ Гельсингфорсѣ и другихъ городахъ Финляндіи.

10—15—рабочіе безпорядки и забастовка въ Ригѣ.

14—17—то же въ Варшавѣ.

19—въ Одессѣ раненъ полицiймейстеръ, подполковникъ Головинъ.

14—въ Гельсингфорсѣ убитъ прокуроръ Финляндскаго Сената Іонсонъ.

Въ февралѣ 1905 г.:

4—убійство въ Москвѣ Его Императорскаго Высочества Сергѣя Александровича.

6—12—кровавыя столкновенія въ Баку между армянами и татарами.

Съ 16 волненія среди мѣстнаго населенія Кутаисской губерніи и Батумской области; избіеніе учащейся молодежи чернью въ Курскѣ, Казани, Псковѣ, Тамбовѣ, Москвѣ и др. городахъ.

Въ мартѣ 1905 г.:

Движеніе въ средѣ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, привлеченіе къ нему высшихъ служащихъ и образованіе въ апрѣлѣ Всероссійскаго союза желѣзнодорожныхъ служащихъ.

Въ апрѣлѣ 1905 г.:

Аграрные безпорядки, начавшіеся съ февраля, въ губерніяхъ: Черниговской, Курской, Воронежской и Орловской, въ апрѣлѣ пріобрѣтаютъ особенную силу въ губерніяхъ: Тверской, Воронежской, Харьковской, Симбирской, Архангельской, Вятской, въ губерніяхъ Прибалтійскихъ и Бѣлоруссіи[1]).

Съ марта по май включительно:

Рядъ террористическихъ актовъ:

въ Выборгѣ—покушеніе на губернатора Мясоѣдова;

въ Варшавѣ брошенною бомбою раненъ полиціймейстеръ бар. Нолькенъ и полицейскій патруль;

въ Польшѣ и Сѣверо-Западномъ краѣ совершено нѣсколько убійствъ полицейскихъ;

въ Ригѣ разрывными снарядами убиты два городовыхъ;

въ Житомирѣ убитъ полицейскій приставъ;

въ Нижнемъ-Новгородѣ убитъ начальникъ охраннаго отдѣленія, жандармскій ротмистръ Грешкеръ;

---

[1]) Изъ донесеній мѣстныхъ властей причинами крестьянскихъ волненій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ были: тяжелое экономическое положеніе крестьянъ, утѣсненіе ихъ крупными землевладѣльцами, дѣйствія мѣстныхъ властей, нарушавшія жизненные интересы крестьянскаго населенія, и революціонная борьба противъ правительства въ городахъ и на желѣзныхъ дорогахъ, происходившая на глазахъ у крестьянъ, которые и привлекались къ ней многочисленными дѣятелями крестьянскаго союза, широкою сѣтью охватывавшаго крестьянское населеніе противоправительственною пропагандою.

въ Уфѣ раненъ губернаторъ ген.-маіоръ Соколовскій;

въ Баку убитъ бомбою губернаторъ ген.-лейт. князь Накашидзе.

Въ то же время на Кавказѣ происходили во многихъ мѣстностяхъ вооруженныя столкновенія.

Въ іюнѣ 1905 г.:

Революціонныя движенія въ Лодзи, Одессѣ, Тифлисѣ, Ивановѣ-Вознесенскѣ и Саратовской губерніи, понуждавшія правительство къ энергичнымъ репрессіямъ до объявленія мѣстностей на военномъ положеніи и широкаго употребленія военной силы, что, однакоже, не мѣшало революціонной волнѣ вздыматься все выше.

5—11—въ Лодзи, при подстрекательствѣ польскихъ соціалистовъ-революціонеровъ и евреевъ бундистовъ, столкновеніе 20-тысячной толпы съ войсками, вызвавшее 172 смерти и свыше 200 раненыхъ.

12—20—въ Одессѣ, по почину революціонныхъ комитетовъ соціалъ-демократовъ, соціалистовъ-революціонеровъ и бундистовъ, разыгрался вооруженный мятежъ, при участіи въ немъ нижнихъ чиновъ черноморскаго флота.

16—бунтъ на броненосцѣ «Потемкинъ-Таврическій», который 18 дезертировалъ въ Румынію.

19—бунтъ на учебномъ суднѣ «Прутъ», съ убійствомъ прапорщика Несторцева и боцмана и арестомъ командира и офицеровъ.

Вслѣдъ за мятежомъ въ Черноморскомъ флотѣ послѣдовали безпорядки въ Либавскомъ и Кронштадтскомъ портахъ, а затѣмъ въ войсковыхъ частяхъ въ Херсонѣ, Варшавѣ и другихъ мѣстностяхъ.

Съ 15 іюня открылись серьезные безпорядки въ Тифлисѣ подъ вліяніемъ усилившейся дѣятельности революціонныхъ партій. Стачка рабочихъ желѣз-

нодорожнаго депо и мастерскихъ къ 22 іюня охватила и другія учрежденія, вызвавъ забастовку служащихъ въ городской управѣ, рабочихъ водопровода и керосинопровода. 23 — 25 іюня предприняты были покушенія съ бомбами противъ чиновъ полиціи и казаковъ, при чемъ убито 2 казака, ранено 2 полицейскихъ, а изъ прохожихъ убито и ранено до 20 чел. 26—29 іюня произведенъ рядъ арестовъ и обнаружена лабораторія для снаряженія бомбъ.

23—25—забастовка въ Івановѣ-Вознесенскѣ (30-тысячъ фабричныхъ рабочихъ) съ разграбленіемъ лавокъ, магазиновъ и поджогами домовъ.

Въ теченіе іюня и іюля 1905 г.:

Аграрные безпорядки въ Аткарскомъ, Петровскомъ, Саратовскомъ и Балашовскомъ уѣздахъ, Саратовской губ., съ поджогами и разгромами помѣщичьихъ усадебъ. Въ Балашовскомъ уѣздѣ, при объѣздѣ мѣстностей, охваченныхъ волненіемъ, *саратовскій губернаторъ камергеръ П. А. Столыпинъ подвергся 3 выстрѣламъ, сопровождавшимся промахами*, а въ г. Балашевѣ *при самосудѣ*, учиненномъ толпою въ 2.000 человѣкъ, надъ медицинскимъ персоналомъ, за оставленіе службы въ больницѣ, *губернаторъ Столыпинъ получилъ ударъ, повредившій ему руку, а врачи Шмелевъ и Невзоровъ были убиты.*

28 іюня въ Москвѣ совершилось террористическое убійство градоначальника ген.-маіора графа П. П. Шувалова по порученію партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Въ іюлѣ 1905 г.:

Произошелъ рядъ погромовъ и избіеній въ разныхъ городахъ. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ еврейскій погромъ въ Житомірѣ и избіеніе интеллигенціи въ Нижнемъ-Нивгородѣ.

1 — въ Тулѣ попытка забастовки рабочихъ на оружейномъ заводѣ; въ Самарѣ уличная демонстрація партіи соціалъ-демократовъ; въ Смоленскѣ разгромъ, учиненный мобилизованными запасными.

2—забастовка фабричныхъ рабочихъ въ Костромѣ.

12 — въ Тифлисѣ брошена бомба въ полиціймейстера Ковалева; аграрные безпорядки въ Могилевѣ-Подольскомъ.

15 — забастовка на линіи Владикавказской ж. д.; въ Либавѣ частыя убійства, насилія съ цѣлью грабежа, вооруженное нападеніе на помощ. надзирателя Ройчинскаго.

20—въ Екатеринославѣ безпорядки при 1 убитомъ 20 раненыхъ.

24—въ Ревелѣ забастовка; уличная демонстрація 3.000 человѣкъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюля забастовка на рижскихъ фабрикахъ (15 тысячъ рабочихъ), демонстраціи съ красными флагами и вооруженныя столкновенія съ казаками.

Въ августѣ 1905 г.:

1-го — при слѣдованіи изъ Екатеринослава парохода обнаружена группа молодежи съ 4 разрывными бомбами.

6 — въ Смоленскѣ пригородная демонстрація молодежи въ нѣсколько сотъ человѣкъ.

15 — въ Тулѣ покушеніе на убійство помощника пристава Дьяконова.

16 — въ Одессѣ взрывъ бомбъ съ пострадавшими.

20 — въ Либавѣ безпорядки, произведенные мобилизованными запасными, сопровожденные 122 арестами, 24 ранеными и 7 убитыми.

22—въ Ригѣ взрывъ въ потайной лабораторіи при снаряженіи бомбъ и арестъ раненаго лаборанта; въ

Баку и Гори убиты пристава кн. Нижарадзе и Аналовъ.

16 — 24 — безпорядки и кровавыя столкновенія въ Шушѣ и уѣздѣ.

22 — 26 — возобновленіе въ Баку безпорядковъ и многочисленные поджоги нефтеносныхъ вышекъ въ Балаханахъ, Биби-Эйбатѣ, Сабунчахъ и Романинской. (Бакинскія событія обострили промышленный кризисъ; цѣна нефти возросла на 200 — 300%; часть волжскихъ пароходовъ пріостановила свои рейсы за невозможностью перейти къ отопленію углемъ; многіе заводы и фабрики владимірскаго и московскаго районовъ закрылись за отсутствіемъ нефтяного топлива.)

Вслѣдствіе неправильнаго истолкованія указа 27 августа 1905 г. объ автономіи высшихъ учебныхъ заведеній, ихъ двери во всѣхъ университетскихъ городахъ широко распахиваются передъ тѣми, кто столько лѣтъ молчалъ, скрывая свои настроенія въ тайникахъ своей души или говорилъ въ своихъ потайныхъ «кружкахъ». Агитаторы, при участіи академической молодежи, дѣятельно знакомятъ низшій классъ и разночинцевъ, собиравшихся тысячами въ аудиторіяхъ, съ политическими явленіями, какъ русской, такъ и западно-европейской жизни освѣщая ихъ въ духѣ крайнихъ партій.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1905 г. революціонное движеніе принимаетъ еще болѣе ожесточенный характеръ открытыхъ возстаній и насилій, которыя своей кульминаціонной точки достигаютъ въ октябрѣ мѣсяцѣ:

Въ сентябрѣ 1905 г.:

Въ первыхъ числахъ въ Финляндіи распространяются на финляндскомъ языкѣ воззванія отъ имени партіи активнаго сопротивленія съ призывомъ къ на-

селенію воздѣйствовать на русскія войска, выясняя имъ вѣроломныя дѣйствія русскаго правительства противъ Финляндіи, содѣйствуя побѣгу солдатъ изъ воинскихъ частей и укрывая бѣглецовъ. Распространялись въ войскахъ и прокламаціи соціалистовъ-революціонеровъ на русскомъ языкѣ, совѣтовавшія отказываться отъ примѣненія оружія противъ финляндцевъ и слѣдовать примѣру матросовъ, поднявшихъ бунтъ на «Потемкинѣ».

2—въ Оренбургѣ забастовка главныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.

4—во Владикавказѣ грузино-армянская демонстрація съ красными флагами; въ Абашѣ—ст. Закавказской желѣзной дороги — вооруженное нападеніе на почтовый поѣздъ съ пораненіемъ 1 и убійствомъ 2 пассажировъ.

5—на той же станціи Абашѣ толпа, узнавъ, что въ поѣздѣ слѣдуютъ арестанты-революціонеры, принимается разстрѣливать поѣздъ, что вызываетъ отвѣтную стрѣльбу со стороны воинской охраны поѣзда; въ результатѣ 8 убитыхъ и много раненыхъ.

8—11—на засѣданіяхъ съѣзда психіатровъ студенческія демонстраціи и оглашеніе соціалъ-демократическихъ прокламацій съ мятежными криками. Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ это же время произведенные обыски обнаружили тайную типографію «активной сормовской боевой группы нижегородскаго комитета соціалъ-демократической рабочей партіи» и массу прокламацій.

9—въ Варшавѣ въ окно банкирской конторы Шерешевскаго брошена бомба, поранившая злоумышленника,—и обнаруживается, что это отместка за то, что Шерешевскій не уплатилъ 1000 руб., по требованію «варшавской группы анархистовъ-коммунистовъ-интернаціалистовъ».

10 — въ Ригѣ на сходкѣ латышей обнаруженъ значительный запасъ нелегальной литературы и оружія.

11 — въ Армавирѣ, Кубанской области, антиправительственная демонстрація и вооруженное столкновеніе съ воинскими частями, при чемъ одинъ убитъ и нѣсколько ранены.

На поѣздѣ, при слѣдованіи его изъ Тифлиса въ Гори, задержаны сначала 2 рабочихъ съ бомбами, революціонною литературою и шрифтомъ, везшіе этотъ транспортъ для гурійскихъ революціонныхъ организацій, а затѣмъ задержано и еще нѣсколько рабочихъ, участниковъ этихъ же организацій.

11 же въ Баку на Биби-Эйбатѣ произведенъ арестъ 62 человѣкъ на собраніи междурайонныхъ представителей бакинскаго комитета соціалистовъ-революціонеровъ Въ Саратовѣ въ тотъ же день, при арестѣ участника соціалъ-революціонной партіи Горохова, на его квартирѣ обнаружена лабораторія для изготовленія взрывчатыхъ веществъ, нелегальная литература, оружіе и пр.; при этомъ арестовано 7 лицъ.

12 — въ Нѣжинѣ, при арестѣ 5 революціонеровъ, 1 русскій убитъ, 4 еврея задержано, при производствѣ ареста тяжело раненъ полицейскій приставъ и смертельно городовой.

Въ Ковно бомбою, брошенною неизвѣстными, успѣвшими скрыться злоумышленниками, ранены полиціймейстеръ Ивановъ, 3 чиновника и 3 женщины.

13 — въ Плоцкѣ еврейскія сходки и вооруженное столкновеніе съ полиціею и вызванною военною силою, закончившееся 1 смертью и 10 арестами.

15—въ Газенпотскомъ уѣздѣ, Курляндской губерніи, разграблена винная лавка, убитъ начальникъ станціи Маріенгофъ, Либаво-Газенпотской желѣзной дороги, и похищено изъ станціонной кассы 220 руб.

Въ Петербургѣ 14 сентября противъ 41 члена «петербургской группы социалъ-демократической партiи» предприняты слѣдственныя дѣйствiя за обнаруженiемъ тайной типографiи, склада революцiонныхъ изданiй и оружiя, а 16 сентября, при арестѣ рабочихъ невскаго судостроительнаго завода Брюханова и Стрѣльцова, обнаружена мастерская разрывныхъ снарядовъ и нелегальныя изданiя партiи социалистовъ-революцiонеровъ.

17 — въ Иркутскѣ, при арестѣ 4 лицъ, задержанъ транспортъ литературы и прокламацiй, предназначавшiйся для мѣстной социалъ-революцiонной группы.

18 — въ Гроднѣ, на квартирѣ мѣщанина Рутковскаго, обнаружено нѣсколько пудовъ шрифта, подложныя печати правительственныхъ учрежденiй, 2 печати гродненскаго комитета «Бунда», бланки паспортовъ и заготовленные подложные паспорта, красные флаги съ надписями и революцiонная литература.

18 — въ Томскѣ массовая сходка около университета съ мятежными рѣчами и разбрасыванiемъ прокламацiй, вызвавшая вмѣшательство военной силы и аресты.

21 — на ст. «Хилокъ», Забайкальской желѣзной дороги забастовка рабочихъ депо станцiи и попытка къ избiенiю мастеровъ и начальника депо, прiостановленная дѣйствiями военнаго эшелона.

22 — въ Бѣлостокѣ, на квартирѣ анархиста Энгельсона, обнаружена подпольная типографiя съ отпечатанными прокламацiями и бомбами.

Въ г. Ростовѣ-на-Дону произведены у революцiонныхъ дѣятелей «донского комитета россiйской социалъ-демократической рабочей партiи» обыски съ обнаруженiемъ разрывныхъ снарядовъ и склада нелегальной литературы.

24 — близъ станцiи Кущевки, Владикавказской желѣзной дороги, произведено крушенiе поѣзда вслѣд-

ствіе преднамѣренной порчи пути, что дало 24 убитыхъ и 30 раненыхъ.

26 — въ Екатеринбургѣ въ засѣданіи земскаго собранія группою революціонеровъ, въ числѣ 20 человѣкъ, произведена антиправительственная *демонстрація противъ установленія Государственной Думы, какъ учрежденія законосовѣщательнаго*, при чемъ разбрасывались прокламаціи и выкидывались красные флаги.

Въ Тифлисѣ въ трехъ пунктахъ казарменнаго расквартированія казачьихъ войскъ были одновременно брошены 8 бомбъ, причинившія смерть 1 казаку и увѣчья 15.

28 — въ С.-Петербургѣ у рабочихъ судостроительнаго завода Колосова и Ловцова обнаружена мастерская разрывныхъ снарядовъ.

30 — въ Красноярскѣ скрывшимися злоумышленниками убитъ изъ револьвера мѣстный полиціймейстеръ фонъ-Эйтманъ.

Наконецъ въ теченіе же сентября 1905 г. разыгралось рабочее движеніе среди типо-литографскихъ рабочихъ, которое было использовано профессіональнымъ союзомъ этой промышленности для того, чтобы вызвать забастовку на многихъ заводахъ и фабрикахъ, что составило прологъ къ всероссійской октябрьской забастовкѣ.

Этотъ сухой протоколярный перечень далеко не исчерпываетъ революціонныхъ выступленій этого періода, да и самая исторія того времени, при удивительно быстрой смѣнѣ событій, отмѣтила лишь малую долю того, что творилось въ области революціонныхъ эксцессовъ.

Во всякомъ случаѣ перечень этотъ, не претендуя на исчерпывающее значеніе, знаменателенъ самъ по себѣ уже въ томъ отношеніи, что наглядно показыва-

сть, насколько непрерывно въ теченіе всего 1905 г. росло революціонное движеніе.

Неоднократно указывалось на то, будто движеніе это поднималось и падало въ зависимости отъ роста надеждъ на осуществленіе конституціонныхъ преобразованій и наступавшаго затѣмъ разочарованія въ этихъ надеждахъ, однакоже это предположеніе о соотношеніи между повышеніемъ и пониженіемъ цифръ революціонныхъ выступленій не подтверждается, прекращеніе же ихъ въ однѣхъ мѣстностяхъ и перемѣщеніе революціонныхъ очаговъ въ иныя мѣстности скорѣе можно поставить въ зависимость отъ усиленія мѣстныхъ репрессій, такъ какъ правительство постепенно въ теченіе 1905 г. было принуждено примѣнить:

Положеніе объ усиленной охранѣ.

Съ 31 декабря 1904 г. въ Константиноградскомъ, Переяславскомъ и Лубенскомъ уѣздахъ, Полтавской губ., и въ г. Бѣлостокѣ, Гродненской губ. Въ то же время безъ введенія всего положенія полностью дѣйствію правилъ объ обязательныхъ постановленіяхъ и отвѣтственности за ихъ нарушеніе подчинены были: гг. Саратовъ, Полтава и Кременчугъ съ ихъ уѣздами, Могилевъ, Гомель, Минскъ, Юрьевъ, Нижній-Новгородъ и Томская губернія, а въ 1905 г. съ 22 января въ г. Мелитополѣ; 26 въ губерніяхъ Калишской, Сѣдлецкой, Радомской; съ 10 февраля въ гг. Варшавѣ, Лодзи и губерніяхъ Варшавской и Петроковской; съ 13 февраля въ г. Кутаисѣ и Кутаисской губерніи; съ 15 февраля въ губерніяхъ Люблинской, Сувалкской, Плоцкой, Ломжинской и Кѣлецкой; съ 25 февраля въ г. Эривани; съ 14 марта въ Лифляндіи и Курляндіи; съ 16 марта въ Витебской губерніи; съ 25 апрѣля въ гг.

Вильнѣ, Гродно и Сморгони; съ 10 мая въ Тифлисской губерніи; съ 13 мая въ г. Уфѣ; съ 25 іюня въ г Новороссійскѣ; съ 16 іюля въ Закаспійской области.

Военное положеніе.

Съ 21 февраля въ трехъ уѣздахъ Кутаисской губ. и одномъ уѣздѣ Батумской области; съ 25 февраля въ г. Баку и въ Бакинской губерніи; съ 11 іюня въ г. Лодзи и ея уѣздѣ; съ 15 іюня въ г. Одессѣ и Одесскомъ уѣздѣ; съ 16 іюня въ гг. Эривани, Севастополѣ, Николаевѣ и Ѳеодосіи, въ г. Тифлисѣ и Тифлисской губ.; въ г. Ивановѣ-Вознесенскѣ; съ 6 августа въ Курляндской губ.; съ 10 августа въ г. Варшавѣ и въ Варшавской губ.; съ 4 сентября въ г. Бѣлостокѣ и Бѣлостокскомъ уѣздѣ; съ 13 октября въ г. Харьковѣ и Харьковскомъ уѣздѣ.

Такимъ образомъ уже къ 17 октября на положеніи усиленной охраны и на военномъ положеніи находились: 11 губерній Россіи Европейской, весь Кавказъ (11 губерній), все Царство Польское (10 губерній), Остзейскій край (2 губерніи), части Сибири и Туркестанскаго края, т.-е. болѣе трети всей Россійской имперіи.

Несмотря, однакоже, на примѣняемыя репрессіи и разрастаніе революціоннаго движенія, правительство постепенно подвигалось все далѣе по пути уступокъ Процессъ этотъ, имѣя зигзагообразную линію, создавался слѣдующимъ образомъ: въ декабрѣ 1904 г. правительство рѣшительно отвергало допустимость коренныхъ преобразованій русской государственности.

12 декабря 1904 г. правительство считало возможнымъ пойти не далѣе проведенія въ бюрократическомъ порядкѣ мѣропріятій для упроченія правиль-

наго въ отечествѣ нашемъ хода государственной и общественной жизни, но прежде, чѣмъ осуществленіе этихъ мѣропріятій могло отразиться на ходѣ государственной жизни, дѣлается уже слѣдующій шагъ впередъ 18 февраля 1905 г.

Печать тогда же отмѣтила, что поворотъ на новый путь совершается въ условіяхъ роковой необходимости, «когда нельзя было медлить ни дня, ибо каждый день дѣлалъ положеніе все болѣе безнадежнымъ, такъ какъ вихрь событій принималъ характеръ настоящаго урагана» (газ. «Право») [1]).

---

[1]) Любопытно и то, что въ самую основу цикла либеральныхъ мѣропріятій, возвѣщенныхъ Высочайшимъ указомъ 12 декабря 1904 г., полагалось принятіе дѣйствительныхъ мѣръ къ охраненію полной силы закона, дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ властей и мѣстъ; неисполненіе же ея неизбѣжно влекло законную за всякое произвольное дѣйствіе отвѣтственность, и во исполненіе ясно выраженной воли Государя состоялось Высочайше утвержденное 2 іюня 1905 г., мнѣніе Государственнаго Совѣта объ устраненіи отступленій въ порядкѣ изданія законовъ. Параллельно съ этимъ, однакоже,—и что, по мнѣнію сенатора Г. А. Евреинова, особенно характерно для оцѣнки бюрократическаго уклада--въ промежуткѣ вышеозначенныхъ двухъ торжественныхъ велѣній верховной власти, въ обходъ установленнаго основными законами законодательнаго порядка, послѣдовалъ рядъ важныхъ органическихъ законовъ.

Перечень важнѣйшихъ изъ нихъ таковъ:

1) Именной Высочайшій указъ 1 января 1905 г. объ учрежденіи временнаго управленія Москвою.

2) 11 января — объ учрежденіи петербургскаго генералъ-губернаторства.

3) 30 марта — объ упраздненіи особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности (мѣра эта принята была совершенно неожиданно для предсѣдателя особаго совѣщанія (онъ же предсѣдатель комитета министровъ) С. Ю. Витте и для самаго этого совѣщанія).

4) 10 апрѣля — объ имущественной отвѣтственности сельскихъ обществъ и селеній, крестьяне коихъ принимали участіе въ происходившихъ за послѣднее время безпорядкахъ.

Утромъ 18 февраля 1905 г. «Правительственный Вѣстникъ» *внезапно* опубликовалъ Высочайшій манифестъ и указъ Правит. Сенату, которые производили такое впечатлѣніе, что будто мы стоимъ наканунѣ рѣшительнаго возвращенія внутренней политики къ прежнимъ бюрократическимъ преданіямъ и что наступилъ конецъ колебаніямъ. Аналогичный моментъ Россія пережила 29 апрѣля 1881 года, послѣ вступленія на престолъ Александра III. Но тогда объявленный манифестъ послужилъ программой всего царствованія Александра III.

Манифестъ 18 февраля 1905 г. поразилъ русское общество, потому что при современныхъ условіяхъ такой исходъ представлялся совершенно неправдоподобнымъ, и правильность такихъ догадокъ подтвердилась, когда черезъ нѣсколько часовъ вслѣдъ за манифестомъ, послѣ засѣданія въ Царскомъ-Селѣ совѣта министровъ, состоялось опубликованіе рескрипта на имя гофмейстера А. Г. Булыгина, которымъ дѣлалась

---

5 и 6) 3 и 22 мая—объ учрежденіи на Кавказѣ должности завѣдующаго полиціею и о расширеніи правъ кавказскаго намѣстника.

7) 21 мая—о правахъ и обязанностяхъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующаго полиціею.

8) 6 мая—объ учрежденіи комитета по земельнымъ дѣламъ и о преобразованіи М-ва Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ въ Главное Управленіе Землеустройства (мѣра эта принята безъ предварительной подготовки и безъ вѣдома министра земледѣлія А. С. Ермолова).

9) 8 іюня—объ утвержденіи положенія о совѣтѣ государственной обороны.

10) Объ учрежденіи должности начальника генеральнаго штаба и преобразованіи Военнаго Министерства.

Такимъ образомъ наканунѣ преобразованія законодательныхъ учрежденій на основѣ народнаго представительства практика бюрократическаго уклада, расходясь съ закономъ, устанавливала начало факультативности въ отношеніи соблюденія законнаго порядка при изданіи законовъ.

уступка общественному мнѣнію въ новомъ направленіи.

Такимъ образомъ въ одинъ день были изданы 3 другъ другу противорѣчащихъ акта.

Съ появленіемъ рескрипта манифестъ получилъ совершенно иное освѣщеніе, являясь къ нему, хотя и противорѣчащимъ логически, дополненіемъ, но исторически вѣрно *на протяженіи нѣсколькихъ часовъ* отразившимъ съ полною наглядностью тѣ *колебанія и характерно быстрыя смѣны настроеній*, которыя подтверждались противорѣчивыми и взаимно другъ друга исключавшими дѣйствіями правительства. Утромъ на ряду съ манифестомъ, указъ наводилъ на мысль, что его границами и исчерпывается реформа существующаго строя, и всякія коренныя преобразованія отсрочиваются на неопредѣленное время; когда же вечеромъ заявлено было намѣреніе правительства созвать народныхъ представителей, то указъ пріобрѣлъ непосредственно практическое значеніе для дальнѣйшей оріентировки общественнаго мнѣнія.

Въ теченіе послѣдовавшаго затѣмъ мѣсяца общество питалось самыми разнорѣчивыми слухами,—то о созывѣ народнаго собора, то о созывѣ думы. Общество смутно знало, что происходятъ частныя совѣщанія между высокопоставленными лицами, что намѣчаются переговоры съ руководителями земскихъ группъ и т. д., но и только. 18 марта воспослѣдовало правительственное сообщеніе, далеко не разъяснившее недоумѣній; оказывалось, что за истекшій мѣсяцъ собирались и разсматривались «имѣющіеся по дѣлу матеріалы, въ томъ числѣ поступившіе отъ разныхъ лицъ и учрежденій проекты и предположенія, которые отличаются разнообразіемъ взглядовъ и сужденій, какъ о главныхъ основаніяхъ, такъ и подробностяхъ предстоящей разрѣшенію совѣщанія задачи».

Предсѣдатель совѣщанія, министръ внутреннихъ дѣлъ А. Г. Булыгинъ, предполагалъ заняться самостоятельно – независимо отъ собиранія матеріаловъ—составленіемъ первоначальныхъ соображеній объ основаніяхъ, на коихъ могло быть осуществлено предположеніе о созывѣ представителей, затѣмъ эти основанія подлежали бы обсужденію въ совѣтѣ министровъ, для согласованія съ общими видами правительства, и только тогда должно было состояться намѣченное въ Высочайшемъ рескриптѣ совѣщаніе, и состояться окончательное уже рѣшеніе вопроса.

По примѣрному исчисленію «Новаго Времени», приблизительно и оправдавшемуся, созывъ народныхъ избранниковъ для участія въ законодательной работѣ могъ осуществиться не ранѣе середины 1906 г., а нервность и возбужденіе общества и всѣ развертывавшіяся событія показывали, что жизнь, конечно, не будетъ стоять на мѣстѣ.

Настроеніе таково, писало «Право», что малѣйшій толчокъ, отъ котораго нельзя уберечься при нынѣшнихъ условіяхъ, вызываетъ ужасные взрывы, гулъ которыхъ раскатывается по всей странѣ.

То же подтверждало и «Новое «Время»: событія нашей жизни идутъ съ головокружительною быстротою, и предвидѣть ходъ ихъ за полтора года впередъ едва ли кто возьмется.

Отсюда являлись опасенія, что при головокружительной быстротѣ событій, таящихся въ будущемъ, картина положенія, пожалуй, круто измѣнится, и къ 1906 г. разрабатываемая реформа утратитъ практическое значеніе.

Настроеніе общества, дѣйствительно, было таково, что движеніе государственныхъ дѣлъ *по медлительной бюрократической рутинѣ, раздражая* все болѣе широкіе круги интеллигенціи, вселяло въ нихъ непобѣди-

мое недовѣріе къ приказному строю и убѣжденіе, что при старыхъ формахъ далѣе жить нельзя.

Накоплявшееся годами раздраженіе неоднократно прорывалось и въ печати и въ общихъ отзывахъ о внутренней безурядицѣ, созданной политикою и потрясеніями войны съ противникомъ, оказавшимся лучше насъ приготовленнымъ къ ея случайностямъ. Иные круги склонны были объяснять возбужденіе, охватившее русское общество, экономическими и финансовыми затрудненіями, вызванными войною.

Но роковой ударъ дореформенному строю, приведшему къ войнѣ, былъ нанесенъ не столько матеріальными невзгодами, которыя несчастная война повлекла за собою, сколько всею суммою вопіющихъ недочетовъ въ военномъ хозяйствѣ и общей администраціи, которые вскрылись во время войны и заставляли разочаровываться въ мощи и силѣ государства, не отдѣлимыхъ отъ блага народа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ вслѣдствіе послѣдовательныхъ и совершенно негаданныхъ военныхъ пораженій Россія утратила вѣру въ себя, а въ глазахъ иностранцевъ, оцѣнившихъ тогдашнее положеніе Россіи слишкомъ ужъ мрачно, она сразу обратилась какъ бы во второстепенную державу. Это, конечно, наносило глубокій ударъ національному самолюбію и по справедливости могло возмущать русское самосознаніе.

Въ результатѣ, и явилось чрезвычайно быстрое распространеніе недовѣрія къ бюрократическому строю, съ одной стороны, возрожденіе и обостреніе классовыхъ и національныхъ стремленій — съ другой, и преуменьшеніе значенія и силы правительства—съ третьей.

На фонѣ такого психологическаго настроенія и разыгралось революціонное движеніе 1905 г. Прежнее

состоянiе безропотнаго повиновенiя, глухого недовольства и бездѣятельнаго протеста смѣнилось новымъ настроенiемъ—послѣднее сдѣлалось боевымъ или, точнѣе говоря, революцiоннымъ.

Въ то же время правительство было лишено фактической возможности воспрепятствовать развитiю этого настроенiя и вызваннаго имъ движенiя, такъ какъ ему особенно благопрiятствовало *отсутствiе* въ предѣлахъ Европейской Россiи сколько-нибудь внушительной *военной силы*. Большая часть армiи была переброшена за Байкалъ, меньшая часть армiи была разсѣяна по окраинамъ, а для внутренней караульной службы оставались такiя ничтожныя силы, что при возникновенiи безпорядковъ мѣстная администрацiя тщетно молила центральныя власти о подкрѣпленiи ея войсками. Взять было неоткуда. Можно сказать, что Россiя прямо-таки была *оголена* отъ войскъ.

И, тѣмъ не менѣе, несмотря на совершенно ясныя проявленiя революцiи,—этого слова у насъ по старой памяти ужасно боялись,—видя происходящее и считаясь съ вопiющими фактами «захватнаго права», анархiи и переоцѣнки общественныхъ цѣнностей, правительство и общество дѣлали видъ, будто «смута»—что-то случайное, но вовсе не сознательно обоснованный общественный переворотъ, могущiй при наличныхъ условiяхъ времени и мѣста угрожать неисчислимыми бѣдствiями.

Правда, впрочемъ, и то, что революцiонное движенiе въ Россiи носило своеобразную физiономiю и рѣзко расходилось съ классическими преданiями, заповѣданными образцами 1789 и 1848 гг. Тамъ въ живописной обстановкѣ и въ сопровожденiи красивыхъ жестовъ и фразъ разыгрывалось вооруженное возстанiе народа противъ правительства, побѣда черни надъ регулярными войсками въ уличной борьбѣ; тамъ строились

баррикады, и проливалась кровь, и этимъ путемъ достигались захватъ власти въ столицахъ и учрежденіе временнаго правительства; здѣсь же все движеніе, дружно соорганизованное, свелось къ отказу въ работѣ, къ мѣстнымъ вспышкамъ и террористическимъ покушеніямъ. Финальный актъ предстоялъ лишь въ будущемъ въ видѣ октябрьской всеобщей забастовки.

Несмотря на различіе формъ, результатъ долженъ былъ получиться одинъ: какъ и всѣ другія общественныя силы, революція подчиняется законамъ эволюціоннаго развитія, и если въ войнѣ Россіи пришлось на практическомъ опытѣ и на своихъ плечахъ извѣдать измѣненія тактики, внесенныя въ область веденія сухопутной и морской войны послѣдними усовершенствованіями техники, то и въ области революціонной борьбы Россіи же пришлось убѣдиться въ справедливости выставленнаго *Фр. Энгельсомъ* положенія, что *возстанія стараго типа, путемъ созиданія баррикадъ и путемъ уличной борьбы, которыя въ 1848 г. рѣшили исходъ революцій, въ настоящее время устарѣли и должны быть замѣнены болѣе дѣйствительными пріемами.*

Ростъ арміи далеко опередилъ ростъ крупныхъ центровъ, а благодаря желѣзнымъ дорогамъ и разработкѣ мобилизаціонныхъ плановъ, въ большинствѣ европейскихъ странъ въ нѣсколько часовъ въ любомъ центрѣ страны можетъ быть сосредоточена внушительная военная сила, искусная въ обращеніи съ малокалиберными магазинными ружьями и пулеметами.

На ряду съ технической стороною измѣнившихся условій уличной борьбы, наше время не знаетъ и прежнихъ общественно-политическихъ условій жизни. Уличныя возстанія съ баррикадами въ цѣляхъ захвата власти и установленія временнаго правительства могли

разсчитывать на успѣхъ тамъ, гдѣ политическая жизнь ограничивается и концентрируется на одномъ пунктѣ.

Уже въ 1879 г., когда Парижъ очутился въ рукахъ коммунаровъ, версальское правительство безъ труда справилось съ мятежомъ. Пока политическая жизнь государствъ сосредоточивалась въ столицахъ, захватъ центра обезпечивалъ за революціонерами политическую власть въ странѣ. Съ развитіемъ же народнаго хозяйства, сѣти желѣзныхъ дорогъ, иныхъ средствъ сообщенія и національнаго раздѣленія труда измѣнилась и структура государства. Такъ какъ въ современномъ государствѣ политическою жизнью живетъ болѣе или менѣе весь народъ, то успѣшность возстанія въ столицѣ отнюдь не предопредѣляетъ исхода революціи—правительство можетъ собраться съ силами внѣ столицы и сломить революцію.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Руководствуясь западно-европейскими примѣрами и теоріями, выступленія русскихъ крайнихъ лѣвыхъ партій съ января по сентябрь 1905 г. и были направлены къ соорганизованію движенія, чтобы «дать послѣдній бой» правительству, но революціонное движеніе послѣ октябрьскаго взрыва, оказалось недостаточно хорошо соорганизованнымъ для вооруженныхъ возстаній и недостаточно освѣдомленнымъ относительно того, насколько внутреннія губерніи Россіи и даже перво-

престольная Москва располагали ничтожными военными гарнизонами для охраны внутренней безопасности.

Всѣ, впрочемъ, тревожные признаки, свидѣтельствовавшіе о томъ, въ какомъ тяжеломъ, болѣе того, безотрадномъ положеніи находилась русская государственность, вскрылись и были оцѣнены по достоинству post factum.

Для того, чтобы назидательные уроки исторіи не пропадали даромъ, всякой правительственной власти, дѣйствующей въ данный моментъ времени, никогда не слѣдуетъ себя обманывать относительно серьезности положенія. Между тѣмъ правительство, повидимому, съ большимъ оптимизмомъ преуменьшало: a) значеніе событій 9 января и послѣдующихъ мѣсяцевъ, b) первыя проявленія крестьянскаго движенія, c) событія на Кавказѣ и другихъ окраинахъ, d) растущее недоумѣніе и раздраженіе широкихъ общественныхъ слоевъ и e) признаки проникновенія «смуты» въ ряды арміи и флота.

Правящіе круги преувеличивали значеніе того теоретическаго факта, что государство располагаетъ сотнями тысячъ штыковъ, тогда какъ при данныхъ обстоятельствахъ большая часть военныхъ силъ была переброшена на Дальній Востокъ, и коренная Россія была оголена отъ войскъ. Поэтому, хотя сознательные и дѣятельные элементы общества и были безоружны и не располагали стройною организаціею, для правительства представлялось почти безнадежнымъ предпріятіемъ выжидать, пока уляжется искусственная, по ихъ представленіямъ, смута. На самомъ дѣлѣ, психологическій моментъ для переворота подкрался не потому, чтобы физическая сила перемѣстилась на сторону оппозиціи, но потому, что власть была существенно ослаблена и близоруко сводила политику на оттягиваніе рѣшеній, осуществленіе которыхъ ею же самою признавалось

неизбѣжнымъ. Чтобы сохранить за собою престижъ государственной власти, слѣдовало, выяснивъ истинное положеніе вещей, остановиться на строго опредѣленной программѣ созидательной дѣятельности и осуществить эту программу до конца, но для этого время было упущено. До наступленія войны правительство никакихъ серьезныхъ шаговъ не предпринимало для того, чтобы своею творческою дѣятельностью на пользу государственности, своей готовностью пойти навстрѣчу созрѣвшимъ потребностямъ и желаніямъ общества вернуть давно утраченное обаяніе и довѣріе къ себѣ со стороны общества, а предпринимать коренныя преобразованія во время войны, конечно, представлялось несвоевременнымъ и слишкомъ затруднительнымъ.

Между тѣмъ, именно въ смыслѣ выраженія глубокаго недовѣрія къ полицейско-бюрократическому укладу русской жизни и неотложной необходимости перехода къ творческой дѣятельности при участіи опирающихся на довѣріе общества общественныхъ дѣятелей и высказалась земская депутація, удостоенная пріемомъ у Государя Императора и его благожелательнымъ отвѣтомъ на рѣчи князя С. Н. Трубецкого и М. П. Ѳедорова.

Послѣ Цусимской катастрофы разсмотрѣніе предположеній о созывѣ народныхъ представителей, правда, пошло ускореннымъ темпомъ, совѣщанія министровъ стали происходить чуть ли не ежедневно, какъ свидѣтельствовалъ «Правительственный Вѣстникъ», но что именно предполагалось сдѣлать, какіе принципы будутъ положены въ основу новаго строя, о томъ обществу не сообщалось, даже болѣе того, умолчаніе объ этомъ вызывало новыя нареканія, враждебныя правительству,—печать прямо выражала сомнѣнія въ томъ, чтобы даже и при благихъ намѣреніяхъ бюрократія смогла и сумѣла установить «правопорядокъ» на нача-

лахъ подчиненія общественнымъ силамъ. Опубликованіе указа 6 августа 1905 г. о призваніи къ жизни «законосовѣщательной» Думы пе удовлетворило ни правыхъ ни лѣвыхъ.

Хотя русская повременная печать по началу и не осмыслила вполнѣ опредѣлительно фактическое значеніе законодательнаго акта 6 августа 1905 г., тѣмъ не менѣе многія газеты отнеслись къ нему отрицательно, такъ какъ правительство въ этомъ случаѣ лишь нерѣшительно полуоткрыло дверь на запросы русскаго общества.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о значеніи совѣщательнаго характера Думы, подставленнаго закономъ 6 августа на мѣсто выработанныхъ наукою и западно-европейскимъ опытомъ формъ, періодическая печать отмѣчала, что учрежденіе Думы, вставленное въ задуманныя правительствомъ рамки, разсчитано на спокойную работу въ нормальныхъ условіяхъ: 1) бюрократы станутъ предлагать на обсужденіе законопроекты; 2) Дума будетъ высказывать свои сужденія; 3) затѣмъ дѣла будутъ переходить въ Государственный Совѣтъ, гдѣ и будутъ задерживаться, либо отклоняться, какъ это бывало и при бюрократическомъ строѣ.

Если бы то самое, что теперь законъ 6 августа обѣщаетъ осуществить и что недавно еще признавалось за «безсмысленныя мечтанія» и угрожало жестокими карами, нѣсколько лѣтъ назадъ въ спокойное время и при нормальныхъ условіяхъ было бы проведено въ жизнь правительствомъ и оно открыло бы исходъ для заявленія русскимъ обществомъ своихъ мнѣній и пожеланій для правильнаго опредѣленія состоянія пульса общественной жизни,—это, конечно, могло бы вывести страну на путь мирнаго развитія. Но время для этого было упущено и администрація своими дѣйствіями вызвала такое общественное раздра-

женіе, которое сдѣлаетъ для Государственной Думы совершенно невозможнымъ спокойное обсужденіе современнаго положенія («Право» № 31, 1905 г.).

Несмотря на отрицательное отношеніе къ содержанію новаго закона, вся повременная печать, какъ правая, такъ и либеральная, единодушно придавала ему огромное значеніе.

«Новое Время» говорило о «памятномъ днѣ преображенія нашей родины» и утверждало, что русскій народъ тяжело выстрадалъ этотъ призывъ къ законодательной работѣ, «не заключающій въ себѣ ничего мистическаго, а предопредѣленный ростомъ Россіи».

«Московскія Вѣдомости» называли его «тяжкимъ переворотомъ, совершившимся въ нашемъ историческомъ строѣ», и усматривали въ немъ «огромныя уступки, которыя революціонныя партіи получили отъ правительства».

Этотъ органъ, обсуждая вѣроятныя дальнѣйшія дѣйствія оппозиціонныхъ и революціонныхъ партій, съ увѣренностью высказывался: «*Они* [1]) теперь будутъ настаивать съ еще большею дерзостью и еще большимъ упорствомъ, ободренные достигнутыми уже успѣхами», а, получивъ въ свое распоряженіе такое могущественное орудіе, какъ Государственную Думу и ведущіе въ нее выборы, что они прямо называютъ «болѣе благопріятными условіями для осуществленія требуемыхъ ими реформъ», конечно, по мнѣнію газеты, «главная атака» будетъ направлена противъ начала совѣщательности, а затѣмъ и противъ ценза выборщиковъ, и «противъ контроля Сената надъ членами Государственной Думы, и противъ многихъ другихъ подробностей новаго закона, не соотвѣтствующихъ революціоннымъ ихъ вожделѣніямъ».

---

[1]) Т.-е. конституціоналисты и революціонеры.

«Гражданинъ» со свойственною ему нескромностью разсказывалъ, что манифестъ 6 августа поручено было написать К. П. Побѣдоносцеву, подобно тому, какъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ писалъ митрополитъ Филаретъ, завзятый крѣпостникъ. «Кто бы могъ подумать въ прошломъ году,—писалъ кн. Мещерскій,—что чрезъ 12 мѣсяцевъ 80-лѣтній Побѣдоносцевъ будетъ писать проектъ манифеста о созывѣ такого выборнаго собранія, которому будетъ предоставлено требовать къ отвѣту министровъ и обсуждать государственный бюджетъ». Въ фактѣ привлеченія К. П. Побѣдоносцева къ писанію манифеста «Слово», въ свою очередь, усматривало «ужасный драматизмъ: тутъ вся 80-лѣтняя жизнь пошла на смарку; все, во что вѣрилось, рухнуло сразу и безвозвратно... Есть отчего плакать, когда собственными руками приходится класть на костеръ свои же «сочиненія» — пытка неизвѣстная даже инквизиціи».

По мнѣнію «Слова», «то, что создано, дорого намъ не какъ образецъ государственнаго творчества великаго народа, а какъ первый шагъ къ этому новому творчеству».

«Русское Слово» находило, что «труденъ первый шагъ. Онъ выяснитъ необходимость дальнѣйшихъ шаговъ. Первые шаги всегда бываютъ робкими и нерѣшительными. Они оттѣняютъ преимущество твердой поступи и указываютъ на необходимость итти впередъ увѣреннымъ шагомъ».

«Русь» подчеркивала, что реформа «произведена пока именно безъ почвы, т.-е. безъ твердыхъ гарантій свободы слова, собраній и союзовъ». А между тѣмъ изъ акта 6 августа «неизбѣжно вытекаетъ и необходимость узаконенія тѣхъ условій, безъ которыхъ политическая жизнь совершенно невозможна. Страна не можетъ быть долѣе лишена права разобраться въ новомъ

положенiи вещей, возникающемъ послѣ опубликованiя закона о Государственной Думѣ». Законъ 6 августа не измѣнилъ положенiя вещей въ томъ смыслѣ, что «извѣстная платформа земцевъ, остающаяся въ полной силѣ, есть въ то же время платформа огромнаго большинства русскаго общества»... «Общество въ правѣ не отказываться отъ своихъ намѣренiй и стремленiй и не считать ихъ упраздненными самымъ фактомъ учрежденiя Думы».

По словамъ «Сына Отечества», актъ 6 августа долженъ быть разсматриваемъ, какъ «рожденный въ разгарѣ борьбы и атмосферѣ страстной партiйности, рожденный въ лонѣ одной изъ борющихся сторонъ и являющiйся все же символомъ побѣды другой». «День 6 августа, мы увѣрены, будетъ занесенъ на скрижали исторiи, какъ день побѣды русскаго народа надъ давящими его темными силами, которыя медленно, упорно отбиваясь, но все же шагъ за шагомъ отступаютъ».

Несомнѣнно, русское общество вполнѣ помирилось бы на законосовѣщательной Думѣ и избирательномъ законѣ 6 августа, когда еще вѣрило въ готовность правительства дать неотложныя преобразованiя и обезпечить проведенiе ихъ въ жизнь и пока считало, что правительство вооружено всевластiемъ и отъ доброй его воли зависитъ дать преобразованiя или ихъ не дать, но 6 августа такой увѣренности уже не было,— печать, нисколько не стѣсняясь, говорила о томъ, что наша государственная власть постоянно колеблется, жизнью не руководитъ, но ставитъ себя въ зависимость отъ впечатлѣнiй моментами, возлагая надежды на счастливыя случайности, закрываетъ глаза на дѣйствительныя опасности, а потому можетъ только поощрять ростъ оппозицiоннаго и революцiоннаго движенiя.

При такихъ условiяхъ вполнѣ естественно могъ открываться широкiй просторъ для притязанiй обще-

ства, что и сказалось въ постановленіяхъ общеземскаго съѣзда, состоявшагося 8 іюля въ Москвѣ. Поэтому же общество, вдумавшись въ указъ 6 августа 1905 г., сочло себя обездоленнымъ и неудовлетвореннымъ, найдя права, вообще предоставляемыя Государственной Думѣ, крайне обуженными и признавая кругъ лицъ, имѣющихъ право на политическіе выборы, до нельзя урѣзаннымъ. Существеннѣйшимъ недочетомъ закона было то, что Дума являлась только законосовѣщательною въ области составленія законовъ.

Съ другой стороны, и самый доступъ въ Думу былъ предоставленъ только двумъ классамъ населенія—земледѣльческому, включая сюда крестьянство, и торгово-промышленниковъ; масса же представителей либеральныхъ профессій и рабочій классъ отстранялись отъ выборовъ. Такимъ образомъ, Государственная Дума должна была явиться прежде всего, защитницею интересовъ а) землевладѣнія и b) крупной и мелкой промышленности, т.-е., другими словами, крестьянства и буржуазіи.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ 18 февраля говорилось о привлеченіи «достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной законодательной работѣ». Но эта вполнѣ опредѣлительная мысль была искажена 6 августа: «достойнѣйшіе» уступили мѣсто наиболѣе богатымъ и состоятельнымъ въ матеріальномъ отношеніи, а «довѣріе народа» и «избраніе отъ населенія» замѣнились довѣріемъ и избраніемъ только отъ сравнительно малочисленной привилегированной части населенія, облеченной активными и пассивными выборными правами:

Интеллигенція—инженеры, техники, ученые, юристы, адвокаты, публицисты, редакторы газетъ и журналовъ,—словомъ, весь людъ, платящій квартирный налогъ ниже установленной въ законѣ 6 августа высокой нормы,—

однимъ почеркомъ пера выбрасывался изъ состава избирателей. По этому поводу «Вѣстникъ Европы» заявлялъ: «Главная двигательная сила умственнаго и политическаго роста страны—силы знанія, таланта, стремленія къ правдѣ и свѣту—устраняется отъ права участія въ государственныхъ дѣлахъ, уступая мѣсто матеріальному элементу—имущественному цензу. Нечего и говорить, что устраненіе лучшихъ и безкорыстныхъ представителей интеллигенціи изъ числа избирателей можетъ только понизить желательный уровень этого учрежденія, въ ущербъ правильности и всесторонности обсужденія стоящихъ на очереди законодательныхъ задачъ».

А такъ какъ интеллигенція и рабочіе выступали главными факторами революціи, то, чтобы не обезплодить всего движенія передачею законодательной власти привилегированнымъ слоямъ — буржуазіи, вполнѣ естественнымъ являлось *усилить революціонный натискъ и побудить правительство* къ болѣе либеральнымъ уступкамъ. Этимъ и объясняется усиленная революціонная волна, прокатившаяся по странѣ въ теченіе сентября и первой половины октября мѣсяца. Въ этомъ послѣднемъ движеніи, въ духѣ послѣдняго слова современной революціонной тактики, существенную роль сыгралъ рабочій элементъ, первое довольно стихійное выступленіе котораго въ январѣ 1905 г., казалось, не предвѣщало ему никакого рѣшающаго значенія въ наступавшихъ событіяхъ.

Руководящимъ и направляющимъ факторомъ въ революціонной и политической дѣятельности рабочихъ выступила соціалъ-демократическая партія. Средства для борьбы были русской соціалъ-демократической партіи предуказаны Плехановымъ еще въ 1883 г. Онъ первый присовѣтовалъ партіи при борьбѣ съ абсолютизмомъ въ то же время не набрасываться на буржу-

азный радикализмъ и на злоупотребленія капитализма: радикализмъ создастъ такія политическія формы, подъ охраною которыхъ соціализмъ станетъ шириться невозбранно, а капитализмъ воспитаетъ пролетаріатъ; Плехановъ полагалъ, что рано или поздно, при помощи излюбленнаго радикалами всеобщаго избирательнаго права, рабочіе заручатся при голосованіяхъ большинствомъ голосовъ, а тогда соціалъ-демократія сможетъ посчитаться съ прежними союзниками—радикалами и капиталистами.

Къ этой тактикѣ постепенно и примкнули, послѣ долголѣтнихъ ожесточенныхъ теоретическихъ пререканій, русскія соціалистическія и революціонныя группы. Въ началѣ 90-годовъ онѣ приступили къ дѣлу. Отъ рабочихъ съ большою тщательностью первоначально скрывалась политическая программа, на которую предполагалось впослѣдствіи ихъ согласить, и агитаторы осторожно избѣгали нападокъ на царскую власть. Лозунгъ былъ таковъ: не государь, но единственно чиновничество виновато въ печальной долѣ рабочаго люда. Поэтому только противъ работодателей слѣдуетъ выступать съ справедливыми требованіями въ интересахъ улучшенія матеріальныхъ условій труда. Въ 1894 г. въ Петербургѣ былъ подготовленъ первый опытъ забастовки—окончился онъ неудачно, но, опираясь на поученіе опыта, соціалъ-демократическіе вожаки сумѣли убѣдить рабочихъ тогда же образовать *стачечный фондъ*. Далѣе послѣдовала стачка уже въ болѣе крупныхъ размѣрахъ въ 1896 г.; тутъ соціалъ-демократы сдѣлали первую попытку включить въ программу требованій рабочихъ элементъ политическій—требованіе 8-часового рабочаго дня. Хотя эта стачка и потерпѣла фіаско, но соціалъ-демократы окончательно упрочили свое положеніе въ качествѣ руководящей среди рабочихъ соціалистической партіи.

Въ теченіе послѣдовавшаго восьмилѣтія, длиннымъ рядомъ стачекъ и обильнымъ распространеніемъ брошюръ и летучихъ листковъ, устанавливались новые политическіе идеалы среди рабочихъ, и соціалъ-демократія шагъ за шагомъ подготовляла почву для революціоннаго выступленія, эру котораго открыла манифестація 9 января 1905 г.; главаремъ этого выступленія явился священникъ Георгій Гапонъ, уже сумѣвшій къ тому времени сорганизовать рабочую массу въ духѣ соціалъ-демократическихъ требованій въ качествѣ отвѣтственнаго руководителя собранія фабрично-заводскихъ рабочихъ въ С.-Петербургѣ. Въ петицію 9 янв. онъ включилъ, помимо общихъ требованій, и политическія, но исключительно въ духѣ соціалъ-демократическихъ идеаловъ, при чемъ о послѣднихъ знала только небольшая группа членовъ совѣта.

Къ моменту выступленія на политико-революціонный путь русская соціалъ-демократическая партія могла опереться еще и на поддержку польскихъ соціалистическихъ организацій, которыя за послѣднее время пріобрѣли властное вліяніе надъ общественною жизнью и мнѣніемъ въ Польшѣ.

Въ связи съ этой политической группой въ имперіи образовались параллельныя соціалистическія теченія, таковы: a) привислинская соціалистическая партія, представленная партіею соціалъ-демократическою (P. S. D.), руководящею соціальнымъ движеніемъ рабочихъ; b) еврейская организація «Бунда», c) польская соціальная партія, преслѣдующая соціально-политическія стремленія (P. P. S.), и d) польская пролетарская партія (P. P. P.). Стройная организація, желѣзная дисциплина и образцовая солидарность отличаютъ всѣ эти группы, какъ носящія международный характеръ (P. S. D. и Бундъ), такъ и ограничивающіяся только польскою пропагандою (P. P. S. и P. P. P.).

Въ частности P. P. S. конечною отдаленною цѣлью ставитъ полное отторженіе края отъ Россіи на республиканско-соціалистической основѣ; пока же пропаганда сосредоточивается на достиженіи автономіи, учрежденіи самостоятельнаго польскаго сейма и введеніи польскаго языка въ обиходъ школы и официіальной переписки. Партія P. P. P. въ основѣ руководствуется такою же національною программою, но дѣйствуетъ болѣе радикальными мѣрами, проводя ихъ съ помощью анархическихъ пріемовъ.

P. S. D. есть вѣтвь международной рабочей партіи. Принявъ общеизвѣстную соціалъ-демократическую программу, она не исповѣдываетъ національно-польскихъ поползновеній, но зато сильно проникается революціонно-террористическимъ духомъ.

Что касается выросшаго на международной почвѣ еврейскаго «Бунда», то онъ ставитъ высшимъ для себя заданіемъ уравненіе евреевъ въ политическихъ и соціальныхъ правахъ съ кореннымъ населеніемъ и, какъ къ наиболѣе подходящему для этого средству, прибѣгаетъ къ разжиганію ультра-демагогическихъ страстей. Эта партія родилась въ Россіи, какъ результатъ или, лучше сказать, какъ отвѣтъ на погромы, бывшіе среди евреевъ.

Изъ свѣдѣній, опубликованныхъ центральнымъ комитетомъ «Бунда», оказывается, что за 10 мѣсяцевъ 1905 г. имъ распространено 2 милл. летучихъ листковъ и 8 №№ ежемѣсячника, въ количествѣ 30.000 экз. каждаго номера. Кромѣ того, были еще отпечатаны 4 прокламаціи, по 120 тыс. экземпляровъ каждой. Для напечатанія этой литературы центральный комитетъ имѣлъ въ распоряженіи 5 центральныхъ типографій, при составѣ 20—25 рабочихъ въ каждой, содержаніе коихъ обходилось для каждой въ 1.350—1.500 руб. ежемѣсячно, не считая прочихъ операціонныхъ расхо-

довъ. Въ этихъ же типографіяхъ отпечатано для мѣстныхъ комитетовъ 1.626.225 прокламацій.

Кромѣ того, по октябрь 1905 г. изъ-за границы водворено контрабанднымъ путемъ 266 пуд. 10 фунт. [1]) революціонной литературы, а всего на кругъ ввозилось въ Россію ежемѣсячно по 214.746 брошюръ и по 38.369 періодическихъ листковъ. Если сюда прибавить, что во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ пунктахъ, гдѣ имѣлись бундистскія организаціи, для обслуживанія ихъ заводились еще особыя мѣстныя типографіи и тамъ печаталась масса революціонной литературы, можно себѣ представить, насколько рабочіе въ Привислянскомъ, Остзейскомъ, юго и сѣверо-западномъ краѣ и южной Россіи, гдѣ развивалъ свою дѣятельность «Бундъ», насыщались партійнымъ чтеніемъ.

Находилъ себѣ поддержку «Бундъ» и за предѣлами имперіи. Въ этомъ отношеніи весьма знаменательны сообщенія, дѣлавшіяся въ теченіе 1905 г. на соціалистическихъ собраніяхъ въ Парижѣ, а равно и воззваніе германскаго соціалъ-демократическаго партійнаго президіума, оглашенное въ газетѣ «Vorwärts» отъ 5 іюля 1905 г. Здѣсь нѣмецкая соціалъ-демократическая партія распространялась о революціонной солидарности нѣмецкихъ и французскихъ передовыхъ борцовъ съ русскимъ и польскимъ пролетаріатомъ, который «подъ руководительствомъ нашихъ товарищей предпринялъ героическую и несравненную борьбу за народную свободу». Воззваніе «Vorwärts» приглашало нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ къ спѣшному сбору денежныхъ пожертвованій «ради смягченія безвыходной нужды, въ

[1]) Это опредѣленіе революціонной литературы не количествомъ экземпляровъ, а пудами и фунтами, принадлежитъ исключительно русской полиціи и имѣетъ, повидимому, цѣлью поразить воображеніе русскаго читателя.

которую повержены русскіе рабочіе, добывающіе себѣ теперь свободу».

Насколько серьезна была помощь, оказанная русской революціи родственными ей по духу и политическимъ требованіямъ организаціями, можно заключить уже изъ того, что по свѣдѣніямъ, оглашеннымъ «Лондонскою еврейскою хроникою», сборъ пожертвованій для поддержки революціонеровъ (обращенный, главнымъ образомъ, на закупку оружія) доставилъ въ Германіи 115.000 ф. ст., въ Англіи 149.341 ф. ст. и въ Америкѣ 240.000 ф. ст., а всего вмѣстѣ съ другими странами 775.776 ф. ст., т.-е. свыше 7 милліоновъ рублей·

Далѣе особую организацію составляли: e) литовская соціалъ-демократическая партія, f) латышская соціалъ-демократическая партія, g) союзъ латышской соціалъ-демократіи, i) украинская соціалъ-демократическая партія, k) украинская революціонная партія, l) грузинская партія соціалистовъ-федералистовъ-революціонеровъ, m) армянская соціалъ - демократическая рабочая организація, n) бѣлорусская соціалистическая громада и o) армянская революціонная федерація (дашнакцутюнъ и др.).

Въ коренной Россіи, помимо партіи p) соціалистовъ-революціонеровъ и r) крестьянскаго союза, особенно энергичную дѣятельность развивала именно россійская соціалъ-демократическая рабочая партія.

Къ октябрю 1905 г. россійская соціалъ-демократическая рабочая партія раскинула по имперіи сѣть комитетовъ и группъ, числомъ свыше 40. Около середины 1905 г. изъ ея среды была выдѣлена особая s) военно-революціонная организація, которая важнѣйшею цѣлью себѣ ставила пропаганду «вооруженнаго возстанія». Эта организація занималась пріобрѣтеніемъ за границею оружія и ввозомъ его въ Россію, при чемъ каждой мѣстной организаціи ставилось непремѣннымъ

условіемъ для полученія оружія имѣть квартиру, куда бы военные транспорты могли безопасно передаваться съ желѣзнодорожныхъ вокзаловъ.

Особенно усиливъ свою дѣятельность, съ момента воздѣйствія на обширную сѣть «гапоновскаго» собранія фабрично-заводскихъ рабочихъ г. С.-Петербурга, соціалъ-демократическая партія старалась привить рабочимъ политическое самосознаніе, и въ этомъ отношеніи хронологически цѣнно достовѣрное указаніе, что при манифестаціи 9 января 1905 г. большинство рабочихъ не имѣло точнаго представленія ни о цѣли созыва на Дворцовую площадь, ни о требованіяхъ политическаго характера, включенныхъ въ челобитную. Въ запискѣ, представленной фабрикантами и заводчиками центральнаго района въ концѣ января 1905 г., за подписью 47 предпріятій съ 125 тыс. рабочихъ, хотя и указывалось на политическій характеръ январскихъ забастовокъ, но оговаривалось, что авторамъ записки далеко не ясно, сознательно ли рабочими формулируются политическія требованія или навѣваются имъ стороннимъ вліяніемъ.

Параллельно съ союзнымъ движеніемъ, съ конца 1904 г. постепенно охватывавшимъ интеллигентныя и прогрессивно-буржуазные слои, быстро возникали и организовывались t) профессіональные союзы самыхъ различныхъ отраслей труда.

На ряду съ распространеніемъ нелегальной партійной литературы, оппозиціонные элементы прививали рабочему и крестьянскому населенію свои взгляды посредствомъ изданій съ разрѣшенія цензуры, выпускавшихся цѣлымъ рядомъ книгоиздательствъ, въ родѣ Парамоновской «Донской Рѣчи»; революціонныя организаціи закупали подходящія изданія въ огромномъ количествѣ экземпляровъ и безплатно распространяли ихъ невозбранно среди рабочихъ и крестьянъ.

При образованіи и) Всероссійскаго союза желѣзнодорожныхъ служащихъ въ апрѣлѣ 1905 г. онъ тотчасъ же былъ вовлеченъ въ кругъ организацій, преслѣдовавшихъ достиженіе демократическаго государственнаго строя революціоннымъ путемъ, а одновременно съ іюльскимъ московскимъ земскимъ съѣздомъ на II съѣздѣ Всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза уже вентилировался вопросъ о неотложности забастовки, совмѣстно съ другими организаціями, при чемъ ставился на обсужденіе вопросъ, обязательно ли для всѣхъ сторонъ соглашеніе или только взаимное оповѣщеніе съ предоставленіемъ каждой отдѣльной организаціи свободы дѣйствія.

Все это шло параллельно, такъ сказать, рука объ руку съ нашими военными неудачами, неожиданность которыхъ и обусловливала растерянность правительства, окончательно выпустившаго поводья изъ рукъ, и крайнее возбужденіе всего общества.

Университетская автономія.

Въ довершеніе ко всему прочему и въ полную и непримиримую противоположность охранительнымъ тенденціямъ, навѣяннымъ указомъ о законосовѣщательной Думѣ, 27 августа 1905 г. состоялся крайне неопредѣленный по редакціи указъ Правительствующему Сенату, устанавливавшій временныя правила для управленія университетами на началѣ автономіи. Замѣчательно, что авторами и редакторами этого указа явились *генералъ Треповъ* и министры: народнаго просвѣщенія генералъ Глазовъ, финансовъ Коковцовъ и главноуправляющій земледѣліемъ Шванебахъ, какъ кажется, лица, въ консерватизмѣ которыхъ въ дворцовыхъ сферахъ никогда не сомнѣвались. Но еще болѣе *зна-*

менательно, что автономія высшихъ учебныхъ заведеній, признанная въ 1905 г. консервативнѣйшимъ министерствомъ Трепова - Глазова необходимою, въ концѣ 1908 г. при конституціонно-либеральномъ министерствѣ Столыпина-Шварца сенатскимъ разъясненіемъ сведена къ нулю.

Тогда *автономія признавалась главнѣйшимъ способомъ для умиротворенія непрекращавшихся годами волненій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ* и для приданія академической жизни правильнаго и спокойнаго теченія.

На практикѣ, автономія эта была студенчествомъ самочинно истолкована не въ смыслѣ самостоятельнаго обсужденія академическихъ и научныхъ вопросовъ, но въ смыслѣ безконтрольной свободы доступа въ учебныя заведенія лицъ, ничего общаго съ научною дѣятельностью не имѣвшихъ, но привлекавшихся въ цѣляхъ политической агитаціи. Конечно, психологически, т.-е. по связи со всѣмъ тѣмъ, что совершалось тогда во всей Россіи, такое расширительное толкованіе студенчествомъ нисколько не удивительно.

На пространствѣ всей имперіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ большинство студенчества высказалось за обращеніе аудиторій въ революціонные очаги и въ политическую школу, привлекая широкія народныя массы и подготовляя ихъ къ совмѣстному выступленію на путь революціонныхъ дѣйствій, съ цѣлью сверженія самодержавія и созыва временнаго правительства, до учрежденія демократической республики включительно. Въ аудиторіяхъ собиралась разношерстная толпа по нѣскольку тысячъ человѣкъ. Предсѣдателями становились эс-деки и эс-еры, при чемъ проповѣдывались основные тезисы ихъ ученій, излагались теоріи и пріемы изготовленія разрывныхъ бомбъ, а слушатели призывались ко всеобщей забастовкѣ и во-

оруженному возстанію и къ немедленному образованію временнаго правительства. Въ теченіе полутора мѣсяцевъ представители революціонныхъ организацій подъ сѣнью автономной неприкосновенности учебныхъ заведеній открыто пропагандировали и обсуждали планы, направленные къ ниспроверженію государственности вообще, т.-е. призывали народъ къ соціальной революціи

Характерно то, что хотя совѣты университетовъ неоднократно обращались къ правительству о закрытіи аудиторій учебныхъ заведеній для митинговъ и объ отводѣ для послѣднихъ болѣе подходящихъ помѣщеній, но правительство, вплоть до указа 12 октября о нормировкѣ народныхъ собраній, ничего не предпринимало для урегулированія вопроса о митингахъ.

Кузовлевъ въ «Исторіи совѣта рабочихъ депутатовъ» подчеркиваетъ, что полоса народныхъ митинговъ въ учебныхъ заведеніяхъ знаменательна именно тѣмъ, что *предопредѣлила политическое содержаніе октябрьской революціи*, такъ какъ на митингахъ доминировала соціалъ-демократія, поставляя ораторовъ и предлагая резолюціи, которыя и принимались послушно. Объяснялось это тѣмъ, что преимущественное право на посѣщеніе митинговъ предоставлялось рабочимъ—«мѣста не хватало и во избѣжаніе наплыва интеллигенціи тогда раздавались билеты на заводахъ, и вдобавокъ публику сортировали при входѣ. Посѣщавшіе митинги припомнятъ много не лишенныхъ комизма сценокъ безжалостной «травли» студентами-распорядителями учащейся молодежи и интеллигенціи».

Хрусталевъ-Носарь, въ свою очередь, подтверждаетъ, что въ сентябрьскіе дни политическое движеніе «было вынесено на улицу», а въ Москвѣ была предпринята первая репетиція уличной борьбы съ жандармами, полиціею и казаками.

Въ началѣ октября хотя делегатскій желѣзнодорожный съѣздъ и высказался за отложеніе желѣзнодорожной забастовки, но низы Московско-Казанской дороги прорвали плотину выжидательнаго напряженія.

Забастовка.

Вопросъ о политической забастовкѣ въ конкретной формѣ въ Петербургѣ былъ поставленъ рабочими 8 октября на митингѣ въ Военно-Медицинской Академіи, а въ теченіе послѣдующихъ десяти дней стачка охватываетъ уже всю русскую желѣзнодорожную сѣть, протяженіемъ около 40 тыс. верстъ съ 750 тыс. служащихъ и рабочихъ.

Забастовочное движеніе пріостанавливаетъ фабрики, заводы, трамваи и конки 10 октября въ Москвѣ, Харьковѣ, Ревелѣ; 10 жизнь замираетъ въ Смоленскѣ, Козловѣ, Екатеринославѣ, Минскѣ, Лодзи; 12 сентября стачка распространяется на Курскъ, Бѣлгородъ, Полтаву, Самару, Саратовъ.

Центральное правительство отрѣзывается отъ провинціальныхъ властей за прекращеніемъ способовъ сообщеній.

12 октября на многотысячномъ рабочемъ митингѣ въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ принимается резолюція о присоединеніи петербургскаго пролетаріата ко всеобщей политической забастовкѣ.

12 октября прекращаются работы на заводахъ и фабрикахъ по Шлиссельбургскому тракту; забастовываютъ торнтоновскіе и варгунинскіе рабочіе; 14 октября забастовка распространяется и на всѣ прочіе столичные заводы и фабрики.

13 же октября съ 2-хъ часовъ дня пріостанавливается движеніе на конно-желѣзныхъ дорогахъ, кромѣ

невской линіи. 13 же октября ко всеобщей забастовкѣ примыкаютъ рабочіе электрическихъ станцій, служащіе с.-петербургской губернской земской управы, С.-Петербургскаго округа путей сообщенія, управленія желѣзныхъ дорогъ, служащіе банковъ и конторъ и окружнаго суда.

16 и 17 октября къ забастовкѣ присоединились «пролетарскіе низы».

Въ эти же дни забастовали табачныя и конфетныя фабрики и многія мелкія мастерскія.

16 октября прекратили занятія чиновники государственнаго банка и Министерства Финансовъ, служащіе страховыхъ обществъ, бездѣйствовалъ коммерческій судъ.

17 октября стачка распространилась на служащихъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ и прочихъ учрежденій до артистовъ балетной труппы включительно.

17 не бастовали только сахарный заводъ Кенига, финляндское пароходное общество, извозчики, рестораны, кофейныя, нѣкоторые магазины и булочныя.

Такимъ образомъ съ начала октября жители города Петербурга оставались то безъ воды, то безъ освѣщенія, то безъ возможности дешеваго передвиженія и безъ сообщенія со всѣми пригородными мѣстностями (Царское-Село, Петергофъ и проч.).

13 октября открываетъ свои дѣйствія *совѣтъ рабочихъ депутатовъ*. Цѣль его —сдѣлаться органомъ власти, такъ какъ онъ представляетъ зародышъ революціоннаго правительства in spe.

Совѣтъ увѣрялъ, будто объединяетъ около 200 т. фабрично-заводскихъ рабочихъ, т.-е. менѣе $^1/_4$ 820-тысячнаго «самодѣятельнаго» населенія Петербурга по переписи 1897 г.; казалось бы, при такихъ условіяхъ не имѣлось основаній выдавать себя за выразителя

велѣній «нефальсифицированной демократіи», но С. Р. Д. выставлялъ эти притязанія по тому мотиву, что «капиталистическая буржуазія» затормозитъ революцію, да и вообще, по мнѣнію Хрусталева - Носаря, «мѣщанство слишкомъ ничтожно, чтобы играть самостоятельную роль».

Поэтому, пролетаріатъ имѣлъ выступить непререкаемымъ «гегемономъ» городской революціи. Въ перспективѣ же предполагалась, за возникновеніемъ во многихъ городахъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, возможность координировать дѣятельность этихъ революціонныхъ установленій съ организаціями «революціонныхъ солдатъ» и крестьянскаго союза и въ челѣ всероссійской пролетарской республики поставить всероссійскій съѣздъ депутатовъ всѣхъ совѣтовъ, профессіональныхъ союзовъ и стачечныхъ комитетовъ (стр. 9, 10, 12, 138 и 171 «Исторіи рабочихъ депутатовъ»).

Это ли не революція и не высшее напряженіе тѣхъ запросовъ, какіе разнуздавшіеся инстинкты ставили общественности?

Характерный образчикъ плановъ, какіе подлежали осуществленію при «координированіи революціонныхъ установленій», въ провинціи имѣется налицо въ краснорѣчивой дѣятельности латышской соціалъ-демократической рабочей партіи въ Прибалтійскомъ краѣ.

Движеніе это постепенно съ 1882 г. разрасталось на почвѣ національной и классовой розни между по мѣстною нѣмецкою земельною аристократіею и латышскою рабочею массою, которая подъ вліяніемъ *младолатышей* стремилась свергнуть нѣмецкое экономическое и аграрное иго.

Первоначально рижскій, виндавскій и тальсенскій комитеты объединились въ 1902 г. подъ наименова-

ніемъ *балтійской рабочей организаціи*, а впослѣдствіи къ нимъ примкнули либавскій и митавскій комитеты и окончательное соглашеніе насчетъ партійной программы и организаціи совершилось по веснѣ 1904 г.; послѣ этого состоялось еще совѣщаніе и соглашеніе съ русскими и польскими товарищами и еврейскими бундистами (въ маѣ 1904 г.).

Въ конечномъ результатѣ въ Ригѣ съ сентября 1904 г. образовался федеративный совѣтъ изъ 6 членовъ– по три отъ Бунда и латышской рабочей партіи, а въ февралѣ 1905 г. въ совѣтъ были кооптированы еще и 3 представителя отъ рижской группы русской соціалъ-демократической партіи.

Параллельно съ совѣтомъ, дѣйствовала еще и группа «Впередъ», тяготѣвшая къ террористическимъ актамъ, придерживавшаяся тактики соціалъ - революціонеровъ и ставившая себѣ задачею осуществленіе автономной латышской республики.

Подъ вліяніемъ обѣихъ этихъ организацій и дружной ихъ агитаціи и разыгрывались въ Прибалтійскомъ краѣ тѣ многочисленныя выступленія городскихъ рабочихъ и аграрные безпорядки въ сельскихъ мѣстностяхъ, которые уже въ іюлѣ 1905 г. приняли ясно выраженный революціонный, а отчасти и анархическій характеръ.

Несмотря на желаніе правительства подавить смуту чрезъ объявленіе положенія усиленной охраны, мѣра эта оказывалась безрезультатной по слабости полицейской охраны и ничтожности военныхъ силъ. Въ Ригѣ, напримѣръ, военный гарнизонъ не превышалъ 3½ тыс. чел., считая въ томъ числѣ и 3 кавалерійскихъ эскадрона; въ Рижскомъ уѣздѣ въ самое тревожное время дѣйствовали только 4 эскадрона 9-го драгунскаго полка; въ Венденскомъ и Валкскомъ уѣздахъ—4 казачьихъ сотни и т. д. Въ большинствѣ

мѣстностей войсковыя части, по ходатайствамъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, были раздроблены на ничтожныя единицы взводовъ и постовъ для охраны отдѣльныхъ поселеній, и оказывались зачастую безсильными для подавленія мятежныхъ взрывовъ, падая жертвами исполненія тяжелаго долга.

По опубликованіи манифеста 17 октября латышскій союзъ въ Ригѣ, присвоившій себѣ роль центральнаго органа соціалъ-демократической организаціи, созвалъ 18 октября собраніе (въ 6 т. человѣкъ), которое объявило манифестъ недостаточно яснымъ и не отвѣчающимъ цѣлямъ возстановленія порядка и выставило рядъ требованій объ отмѣнѣ чрезвычайной охраны, о выведеніи изъ края войскъ, объ освобожденіи политическихъ преступниковъ, объ установленіи 8 часового рабочаго дня и т. д.

Въ то же время въ сельскихъ мѣстностяхъ командируемые изъ Риги, Либавы, Митавы и Юрьева агитаторы въ пламенныхъ рѣчахъ убѣждали населеніе, что взошла заря свободы, что достаточно одного рѣшительнаго выступленія вооруженнаго народа—и устарѣвшій государственный и церковный строй рухнетъ окончательно.

30 октября въ латышскомъ союзѣ въ Ригѣ состоялось собраніе при участіи свыше 1.000 человѣкъ и постановило «мирно» упразднить наличное городское управленіе, замѣнить его новымъ — по выборамъ на демократической основѣ.

Затѣмъ, какъ бы въ отвѣтъ на объявленіе лифляндскаго губернатора Звегинцева о томъ, что манифестъ 17 октября отнюдь не долженъ быть понимаемъ, какъ предоставленіе гражданамъ поступать во всемъ по собственному произволу, съ 19 по 23 ноября въ Ригѣ собрался самочинно съѣздъ представителей отъ совокупныхъ общинъ Курляндіи и Лифляндіи, въ составѣ

1.500 участниковъ, подъ предсѣдательствомъ кокенгузенскаго волостного писаря Кродера, и принялъ нижеслѣдующія резолюціи:

1. Всѣ отношенія съ существующими административными властями прерываются.

2. Впредь до установленія связи съ правительствомъ на новыхъ началахъ прекращаются уплаты государственныхъ податей и общинныхъ сборовъ.

3. Заводятся сношенія съ крестьянскими союзами въ Россіи.

4. Тамъ, гдѣ это еще не состоялось, созываются собранія всѣхъ совершеннолѣтнихъ членовъ общины обоихъ половъ, на которыя и возлагается:

a) смѣстить существующія общинныя управленія;

b) ввести исполнительные комитеты;

c) избрать общинные суды, которые бы по своему разумѣнію и по совѣсти разбирали дѣла, не обращая вниманія на существующіе законы;

d) составить инструкцію въ руководство исполнительнымъ комитетамъ и общиннымъ судамъ, и

e) избрать представителей въ собраніе делегатовъ по общему латышскому самоуправленію.

Въ свою очередь, въ ноябрѣ же 1905 г. общинные исполнительные комитеты Лифляндіи и Курляндіи по одному и тому же шаблону постановили нижеслѣдующія резолюціи:

1. Всѣ отношенія къ бюрократическимъ установленіямъ прекращаются впредь до созыва учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

2. Для упорядоченія балтійскихъ хозяйственныхъ вопросовъ въ Ригѣ созывается «балтійское совѣщаніе», избираемое на обычной демократической основѣ.

3. Всѣ политическіе преступники получаютъ освобожденіе.

4. Военное и осадное положеніе отмѣняются.

5. Полиція и армія упраздняются, а взамѣнъ ихъ вводится всеобщая народная милиція.

6. Уплата арендныхъ денегъ землевладѣльцамъ и платежей кредитнымъ обществамъ пріостанавливается.

7. Равнымъ образомъ, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій прекращаются уплаты дорожныхъ повинностей и общинныхъ сборовъ; попеченіе о содержаніи школъ и бѣдныхъ возлагается на совѣтъ 11 лицъ (которыя тутъ и поименовываются).

8. Мѣстныя (т.-е. помѣщичьи) лѣсныя угодья поступаютъ въ вѣдѣніе общины.

9. Всѣ мѣстныя (т.-е. помѣщичьи) заведенія для продажи спиртныхъ напитковъ закрываются, доколѣ право на открытіе шинковъ, корчемъ и т. п. не будетъ предоставлено самой общинѣ.

10. Во всѣхъ мѣстныхъ школахъ преподаваніе ведется на родномъ языкѣ, при чемъ обученіе закону Божію становится необязательнымъ.

11. Кто провинится въ ослушаніи настоящимъ предписаніямъ, объявляется измѣнникомъ народоправія.

Въ это время въ Курляндіи дѣйствовало 190, а въ Лифляндіи 170 исполнительныхъ комитетовъ.

Такимъ образомъ къ серединѣ ноября Курляндія и Лифляндія фактически расчленились на 360 мелкихъ автономныхъ республикъ, объединенныхъ въ федерацію подъ общимъ главенствомъ соціалъ-демократическаго федеративнаго комитета въ Ригѣ.

Аграрная соціальная революція на мѣстахъ нашла себѣ красноречивое выраженіе въ томъ, что за ноябрь и декабрь 1905 г. подверглись полному разгрому:

въ Курляндіи . . . . 45 имѣній
» Лифляндіи . . . . 82 имѣнія
. . . .

При широко разлившемся по краю рабочемъ движеніи и ничтожности наличныхъ военныхъ силъ полиція, конечно, оказывалась не въ состояніи ни остановить передвиженіе многочисленныхъ мятежныхъ бандъ, ни прекратить массовыя истребленія лѣсовъ и сельско-хозяйственныхъ запасовъ.

Мирное населеніе пребывало въ напряженномъ состояніи, само на смуту реагировать не рѣшалось изъ трусости передъ «добытчиками свободы» и съ нетерпѣніемъ взывало о спасеніи къ правительству—войска поджидались, какъ единственно дѣйствительные спасители спокойствія и законности.

Только въ концѣ октября 1905 г. правительству гр. С. Ю. Витте удалось—благодаря тому, что у него, уже были развязаны руки въ борьбѣ съ соціальною революціею въ столицѣ и что стали, наконецъ, прибывать изъ Сибири войска, — двинуть въ Прибалтійскій край 40 ротъ пѣхоты, 28 эскадроновъ кавалеріи и казачьихъ сотенъ и 18 орудій.

Когда на помощь къ разсѣяннымъ по краю совершенно безсильнымъ что-либо предпринять взводамъ и полувзводамъ русскихъ солдатъ явилось серьезное подкрѣпленіе, стачечники всюду стали убѣгать отъ войскъ и «сраженія» при Гольдингенѣ, Газенпотѣ и т. д., къ сожалѣнію, не прибавили лавровъ мужества военачальниковъ руководителямъ этихъ столкновеній съ русскими войсками.

Въ январѣ 1906 г. рижскій центральный комитетъ соціалъ-демократической партіи принужденъ былъ признаться въ своемъ отчетѣ III партійному съѣзду что организація должна пріостановить свою дѣятель-

ность изъ-за приближенія къ Ригѣ отряда войскъ, такъ какъ дѣятельность эта при наличныхъ обстоятельствахъ неосуществима, что наиболѣе дѣятельные товарищи, получившіе широкую извѣстность еще съ октябрьскихъ дней, не могли бы укрыться отъ преслѣдованій карательныхъ экспедицій.

Прибалтійское рабочее населеніе, какъ и петербургское, было разочаровано неудачами. Слѣпая вѣра въ грядущее торжество соціалъ-демократіи была подорвана, а опасенія расправы за своеволіе и безчинства протрезвили, наконецъ, умы. Населеніе не безъ основанія почитало себя вовлеченнымъ въ такіе проступки, истинные зачинщики которыхъ благоразумно скрылись, предоставивъ разсчитываться за ихъ грѣхи пособникамъ и исполнителямъ *чужой преступной* воли.

Вышеизложенные факты достаточно ясно показываютъ, какихъ сюрпризовъ при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ можно было бы дождаться и на другихъ окраинахъ и въ коренной Россіи, если бы «правительство Носаря» успѣло сорганизовать дѣятельность мѣстныхъ революціонныхъ установленій, въ видѣ мѣстныхъ городскихъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ и органовъ всероссійскаго крестьянскаго союза.

Факты эти показываютъ, что нарожденіе на Руси соціальной революціи въ 1905 г. вовсе не носило характера буффонады, а представляло собою при тогдашнихъ условіяхъ явленіе настолько серьезное, что правительство не могло подойти къ его подавленію со старыми шаблонными рецептами, которые изобильно преподносили нѣкоторыя газеты, что требовался новый методъ борьбы и что для торжества этого метода требовалось создать соотвѣтствующія условія.

V.

Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Хрусталевъ-Носарь.

Понятно, что предположенія и планы Хрусталева-Носаря были чрезвычайно широки и даже неисполнимы, и ясно, что въ этой неисполнимости трезвый умъ государственнаго человѣка и долженъ былъ увидѣть ихъ слабость. Вѣдь между тѣмъ, что предполагаешь, и тѣмъ, какова конъюнктура даннаго момента для исполненія предположенія,—цѣлая пропасть.

Возникновеніе и 50-дневная дѣятельность совѣта рабочихъ депутатовъ превосходно иллюстрируетъ это положеніе [1]).

Такъ какъ «либерализмъ не имѣлъ ни достаточной силы, чтобы командовать массами, ни необходимой иниціативы, чтобы руководить ими» (стр. 11), то истинно могущественное идейное вліяніе на ростъ и формированіе рабочаго движенія оказывала Р. С.-Д. Р. П. (россійская соц.-демокр. революціонная партія), но она, благодаря подпольному существованію, не могла въ качествѣ организаціонной силы охватить рабочую среду. Поэтому необходимо было создать новую организацію, тактика которой опредѣлялась бы дружнымъ взаимодѣйствіемъ входящихъ въ нее элементовъ (стр. 150).

По мысли органа С.-Д. П. (соціалъ-демократической партіи) «Искры» (въ № 121), полулегальные, самовольно образующіеся, рабочіе агитаціонные комитеты подлежали немедленному образованію; они должны были сдѣлаться центромъ тяготѣнія широкихъ массъ, связать ихъ съ подпольною партіею и создать «цѣлую

---

[1]) Матеріаломъ для настоящей главы является изданіе Глаголева „Исторія рабочихъ депутатовъ“, на каковое и дѣлаются ссылки.

сѣть представительныхъ органовъ *революціоннаго самоуправленія»* (стр. 37).

Эти органы «революціоннаго самоуправленія» должны были, ради вящшей успѣшности ихъ дѣятельности, избираться пролетаріатомъ *опредѣленныхъ* взглядовъ и настроеній (стр. 22), такъ какъ однородность классоваго состава устраняла внутреннія тренія въ этихъ учрежденіяхъ и дѣлала ихъ способными къ революціонной инициативѣ (стр. 19).

«Выпустить воззваніе о производствѣ выборовъ въ такой рабочій совѣтъ поручено было с.-петербургской группѣ Р. С.-Д. Р. П.» (стр. 43); этимъ починъ и вліяніе соціалъ-демократіи надъ рабочими группами далъ значительное преобладаніе въ совѣтѣ депутатовъ соціалъ-демократамъ (стр. 31).

Постановленіе учредительнаго собранія совѣта рабочихъ депутатовъ—«одинъ депутатъ на 500 рабочихъ»—проводилось въ жизнь довольно произвольно, въ совѣтѣ оказались представители даже отъ мелкихъ мастерскихъ, въ 30—40 человѣкъ (стр. 135).

На другой же день въ совѣтъ явилось около 80—90 депутатовъ, большею частью изъ выборщиковъ комиссіи члена государственнаго совѣта Шидловскаго (стр. 43—49), и на первое время «делегатами городскихъ районовъ» оказались представители отъ 40 крупныхъ заводовъ, 2 фабрикъ и трехъ профессіональныхъ союзовъ: рабочихъ печатнаго дѣла, приказчиковъ и конторщиковъ (стр. 66). Къ концу своей 2-мѣсячной дѣятельности совѣтъ представлялъ 147 фабрикъ и заводовъ, 34 мастерскія и 16 профессіональныхъ союзовъ. Фабрики, заводы и мастерскія были представлены 508 депутатами, союзы 34 депутатами [1]).

---

[1]) По участію въ голосованіи въ совѣтѣ 553 депутата (въ томъ числѣ 6 женщинъ) пользовались *рѣшающимъ голосомъ*, а желѣзнодорожный и почтово-телеграфный союзы имѣли 9 совѣщательныхъ го-

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ совѣта въ ноябрѣ организовались профессіональные и «боевые союзы по обработкѣ дерева, портовыхъ рабочихъ, рабочихъ освѣтительныхъ предпріятій, табачныхъ фабрикъ, сапожниковъ, портныхъ, по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, металлическаго производства, изъ коихъ иные въ свои уставы вносили политическія требованія и должны были принять самое активное участіе въ политическихъ забастовкахъ» (стр. 141).

Совѣтъ, по собственнымъ его увѣреніямъ, былъ силенъ, такъ какъ даже среди многочисленной столичной интеллигенціи насчитывалъ «гораздо больше друзей, чѣмъ враговъ: дипломированная и служилая интеллигенція... была всецѣло на его сторонѣ..., тысячи учащейся молодежи *признавали надъ собою политическое руководство совѣта* и горячо поддерживали его шаги» (стр. 12).

Тамъ же, гдѣ со стороны частныхъ лицъ встрѣчались противодѣйствія его велѣніямъ, совѣтъ прибѣгалъ къ бойкоту; по началу одна угроза бойкота обезвреживала сопротивлявшихся, но подъ конецъ дѣятельности совѣта, когда сами угрожающіе начали утрачивать реальную силу, оружіе бойкота зазубрилось и стало тупымъ (стр. 164) [1]).

лосовъ (стр. 147). Тутъ историки совѣта рабочихъ депутатовъ сами себя выдаютъ и забываютъ собственное утвержденіе, будто члены, введенные въ совѣтъ непосредственно отъ партіи эс-дековъ и эс-еровъ, пользовались только правомъ совѣщательнаго голоса (см. ниже наши стр. 62—63).

[1]) Единичные члены рабочаго совѣта доходили, въ сознаніи своего сомнительнаго величія, до самовольнаго признанія за собою иммунитета: одинъ изъ нихъ на требованіе, предъявленное черезъ полицію, явиться въ жандармское управленіе, заявилъ, что принципіально не признаетъ дознаній, а въ качествѣ представителя рабочихъ въ совѣтѣ рабочихъ на время избранія не можетъ быть привлекаемъ къ суду (стр. 175).

Для устроенія распорядительной части въ засѣданіи совѣта 17 октября, въ составѣ не болѣе 100 человѣкъ, состоялось избраніе «временнаго исполнительнаго комитета».

Въ составъ послѣдняго включались: по два депутата отъ каждаго изъ 7 городскихъ районовъ, по 2 депутата отъ союзовъ рабочихъ печатнаго дѣла, конторщиковъ, фармацевтовъ и приказчиковъ, и особо представители отъ соціалистическихъ партій, отъ эсдековъ въ количествѣ 6 (по 3 отъ фракцій большевиковъ и меньшевиковъ) и отъ эс-еровъ—3.

Такимъ образомъ численность исполнительнаго комитета опредѣлилась въ 31 ч. (стр. 76). «Исполнительный комитетъ предлагалъ, а совѣтъ обсуждалъ и принималъ». Комитетъ, впрочемъ, иныя постановленія вводилъ, sua sponte, обходясь безъ санкціи совѣта. Такъ захватъ типографій для печатанія «Извѣстій Совѣта» и объявленіе объ изъятіи вкладовъ изъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ были комитетомъ предприняты помимо совѣта, а тотъ эти мѣры только одобрилъ post festum (стр. 153).

29 ноября совѣтъ рѣшилъ представительство крайнихъ партій еще болѣе расширить и постановилъ: 1) дать право совѣщательнаго голоса въ засѣданіяхъ совѣта и исполнительнаго комитета, допустивъ постоянными членами засѣданій по 2 представителя отъ *мѣстныхъ* организацій большевиковъ и меньшевиковъ Р. С.-Д. Р. П., по 2 представителя отъ *мѣстныхъ же* организацій партіи соціалъ-революціонеровъ, и, кромѣ того, по 2 представителя отъ *центральныхъ* органовъ тѣхъ же партій, по одному делегату отъ Бунда и отъ польской соціалистической партіи—итого 14 членовъ. Независимо отъ этого въ засѣданіяхъ совѣта партіямъ предоставлялось еще право на кооптированіе съ совѣщательнымъ голосомъ по

10 членовъ отъ большевиковъ и меньшевиковъ с.-д. и отъ партіи с.-р.—всего 30 членовъ, итого, значитъ, 44 члена (примѣч. на стр. 180 и 181).

Кромѣ непосредственнаго гласнаго вліянія, крайнія партіи оказывали давленіе чрезъ выборныхъ отъ заводовъ и союзовъ, ибо выбирались рабочіе опредѣленныхъ взглядовъ и настроеній, такъ что почти $^2/_3$ совѣта были партійны (стр. 172). Н. Троцкій прямо заявляетъ, что совѣтъ заключалъ въ своемъ составѣ 70 соціалъ-демократовъ и 35 соціалистовъ-революціонеровъ, итого 105 членовъ (стр. 318), а Петровъ-Радинъ признается, что совѣтъ находился «подъ сильнымъ вліяніемъ соціалъ-демократіи, всецѣло велъ соціалъ-демократическую политику и всѣ рѣшенія принималъ въ полномъ согласіи съ мнѣніями офиціальныхъ представителей обѣихъ фракцій Р. С.-Д. Р. П., (стр. 260).

Такимъ образомъ увѣренія Носаря о томъ, будто делегація рабочихъ являлась выразителемъ велѣній «нефальсифицированной демократіи», т.-е. всего петербургскаго рабочаго населенія, опровергается фактами—делегація имѣла совершенно опредѣленную *соціалистическую* окраску, а если въ средѣ рабочихъ депутатовъ и были безпартійные рабочіе, то не они задавали тонъ направленію совѣтской дѣятельности.

Въ *первомъ* же засѣданіи совѣта, состоявшемся въ технологическомъ институтѣ 13 октября, было принято обращеніе къ рабочимъ, призывавшее къ забастовкѣ и къ предъявленію политическихъ требованій, равносильныхъ для государственности самоупраздненію.

Въ борьбѣ пролетаріата «за переходъ власти въ руки народа» программа дѣйствій формулировалась совершенно ясно: «Революціонная кооперація съ арміею, крестьянствомъ и плебейскими низами городской бур-

жуазіи... Разрушеніе матеріальной организаціи (монархіи): отчасти расформированіе, отчасти немедленное распущеніе арміи; уничтоженіе полицейски-бюрократическаго аппарата; 8-часовой рабочій день; вооруженіе населенія, прежде всего пролетаріата; превращеніе совѣтовъ рабочихъ депутатовъ въ органы революціоннаго городского самоуправленія; созданіе совѣтовъ крестьянскихъ депутатовъ, какъ органовъ аграрной революціи на мѣстахъ; организація выборовъ... на почвѣ опредѣленной программы работъ народнаго представительства» (стр. 21).

Второе засѣданіе совѣта (14 октября) состоялось въ физической лабораторіи технологическаго института; обсуждались вопросы о мѣрахъ къ дальнѣйшему прекращенію работъ и были выработаны требованія для предъявленія с.-петербургской городской думѣ, чрезъ особую депутацію. Въ этомъ же засѣданіи, т.-е. 14 октября, предсѣдателемъ совѣта былъ избранъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго Носарь, носившій также фамилію ткача фабрики Чешера Хрусталева.

14 же октября депутація, назначенная для сношенія съ петербургскою думою, прибывъ туда, имѣла бесѣду съ ея предсѣдателемъ М. В. Красовскимъ, который предложилъ депутаціи явиться въ засѣданіе думы 16 октября къ 2 ч. дня.

Къ означенному времени въ думу явились 14 депутатовъ отъ совѣта и представители союза союзовъ и нѣсколько профессоровъ технологическаго института (въ видѣ депутаціи, выбранной совѣтомъ института «по инициативѣ студентовъ», стр. 68).

Обращеніе къ городскому управленію носило характеръ категорическаго императива:

Мы требуемъ:

1) Немедленно принять мѣры для регулированія продовольствія многотысячной рабочей массы.

2) Отвести помѣщеніе для собраній.

3) Прекратить всякое довольствіе, отводъ помѣщеній, ассигновокъ на полицію, жандармерію и т. д.

4) Указать, куда израсходованы 15 тысячъ рублей, поступившихъ въ думу для рабочихъ Нарвскаго района.

5) Выдать изъ имѣющихся въ распоряженіи думы народныхъ средствъ деньги, необходимыя для вооруженія борющагося за народную свободу петербургскаго пролетаріата и студентовъ, перешедшихъ на сторону пролетаріата.

Руководство этою частью народной революціонной арміи должно находиться въ рукахъ самого пролетаріата.

Суммы должны быть переданы рабочему совѣту.

6) Рабочій совѣтъ, находя, что закрытіе водопровода можетъ вредно отразиться на здоровьѣ населенія, требуетъ отъ городской думы немедленнаго принятія мѣръ къ удаленію войскъ изъ зданія городского водопровода и предоставленія его въ распоряженіе рабочихъ. Въ противномъ случаѣ совѣтъ предупреждаетъ о возможности закрытія водопровода.

16 октября пріемъ депутаціи отъ совѣта рабочихъ депутатовъ с.-петербургскою городскою думою состоялся въ невыгодныхъ для депутаціи условіяхъ: у подъѣздовъ стояли усиленные наряды городовыхъ; на лѣстницахъ была выстроена рота пѣхоты.

Депутатъ отъ совѣта выступилъ на думской трибунѣ съ рѣчью, гдѣ говорилось: «совѣтъ рабочихъ депутатовъ *требуетъ*,—а онъ имѣетъ право требовать, а не просить, такъ какъ совѣтъ является представителемъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ рабочихъ, жителей столицы, а вы только горсти избирателей,—совѣтъ рабочихъ депутатовъ требуетъ, чтобы городское имущество было предоставлено всѣмъ жителямъ города для

ихъ надобности. И такъ какъ теперь важнѣйшая общественная задача есть борьба съ абсолютизмомъ и для этой борьбы намъ нужны мѣста для нашихъ собраній,— откройте наши городскія зданія! Намъ нужны средства для продолженія стачки — ассигнуйте городскія средства на это, а не на поддержку жандармовъ и полиціи! Намъ нужно оружіе для завоеванія и отстаиванія свободъ — отпустите средства для организаціи пролетарской милиціи!» (стр. 70).

Когда вслѣдъ за рабочими депутатами на думской трибунѣ вздумали выступить еще и представители отъ союза союзовъ, гласные начали выражать нетерпѣніе и не пожелали ихъ выслушивать; депутаціи было предложено оставить думское засѣданіе, а студенческая депутація и совсѣмъ не была допущена въ засѣданіе думы (стр. 71).

Такимъ образомъ попытка возродить въ Петербургѣ пережитки парижскихъ революціонныхъ примѣровъ воздѣйствія на городское управленіе псевдо-народныхъ делегацій прогорѣла.

Третье засѣданіе совѣта состоялось 15 октября опять же въ технологическомъ институтѣ (въ физической его аудиторіи); къ этому времени составъ совѣта достигъ численности 226 депутатовъ.

Въ засѣданіи этомъ совѣтъ постановилъ рекомендовать рабочимъ и профессіональнымъ союзамъ оказывать приказчикамъ помощь при проведеніи забастовки. Условлено было къ 10 часамъ 16 октября собраться на курсахъ Лесгафта и оттуда вмѣстѣ направиться закрывать магазины, но 16 октября высшія учебныя заведенія оказались закрытыми по распоряженію полицейской власти, приказчики не могли встрѣтиться съ рабочими и въ этотъ день совѣтъ не успѣлъ пріискать себѣ помѣщенія для дальнѣйшихъ собраній.

Четвертое засѣданіе совѣта произошло 17 октября уже въ вольно-экономическомъ обществѣ; тутъ и состоялось избраніе исполнительнаго комитета, въ составѣ 31 человѣка (см. выше); 17 же октября былъ выпущенъ первый № «Извѣстій совѣта рабочихъ депутатовъ», печатавшихся захватнымъ образомъ, по очереди, въ разныхъ частныхъ типографіяхъ.

17 октября вечеромъ былъ распубликованъ историческій *манифестъ и всеподданнѣйшій докладъ графа С. Ю. Витте съ Высочайшею резолюціею*: «Принять къ руководству» [1]), а 18 октября графъ С. Ю. Витте, незадолго передъ тѣмъ вернувшійся изъ Америки и съ 1903 г. не принимавшій никакого участія въ активной политикѣ, вступилъ во власть, въ качествѣ предсѣдателя совѣта министровъ; но новый кабинетъ еще не былъ сформированъ; такимъ образомъ, первые 10—14 дней всѣ текущія заботы министерствъ легли почти исключительно на предсѣдателя.

Въ *пятомъ* засѣданіи совѣта рабочихъ депутатовъ, 18 октября, постановлено продолжать забастовку въ доказательство того, что манифестъ 17 октября «не удовлетворяетъ заданій рабочихъ массъ».

Такъ какъ, соорганизовавъ пролетаріатъ, своею цѣлью совѣтъ поставилъ «борьбу за революціонную власть» (стр. 9), то въ руководящихъ статьяхъ «Извѣстій», своихъ резолюціяхъ и воззваніяхъ, дебатахъ въ засѣданіяхъ совѣта и районныхъ собраній красною нитью проводилась мысль о томъ, что *сила творитъ право* (стр. 175).

Хотя въ результатѣ октябрьскаго натиска «абсолютизмъ отрекся отъ себя, но въ сущности онъ не проигралъ сраженія; онъ отказался отъ боя... Либеральные элементы бюрократіи получили перевѣсъ... Вся

---

[1]) Манифестъ и докладъ помѣщены въ концѣ настоящей брошюры.

матеріальная организація власти: чиновная іерархія, полиція, судъ, армія остались попрежнему нераздѣльною собственностью монархіи» (стр. 14). А такъ какъ «сила совѣта въ томъ именно и состояла, что онъ, опираясь... на пролетаріатъ... могъ лишить абсолютизмъ возможности пользоваться аппаратомъ своей власти», то «съ этой точки зрѣнія дѣятельность совѣта означала *организацію анархіи... и дальнѣйшее упроченіе анархіи»*...

Совѣту ничего иного не оставалось, «какъ признать открытое столкновеніе неизбѣжнымъ въ ближайшемъ будущемъ, и въ распоряженіи его не оказывалось иной тактики, кромѣ подготовки къ возстанію» (стр. 15).

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ 19 октября уже забастовка подъ вліяніемъ манифеста 17 октября въ Москвѣ начала падать, а нѣкоторыя желѣзныя дороги возобновили движеніе, то подъ вліяніемъ этой неблагопріятной конъюнктуры совѣтъ рабочихъ депутатовъ 19 октября бьетъ отбой и постановляетъ прекратить пока стачку съ 21 октября (въ 12 ч. дня).

Такимъ образомъ полная октябрьская стачка въ столицѣ продлилась около 9 дней.

Демонстративныя похороны нѣсколькихъ человѣкъ, убитыхъ при столкновеніяхъ сборищъ, производившихъ на улицахъ безпорядки, съ войсками въ теченіе 18 и послѣдующихъ дней октября мѣсяца были возвѣщены совѣтомъ на 23 октября, но вслѣдствіе предупрежденія отъ имени графа Витте,—такъ какъ кабинета еще не было,—о недопустимости манифестаціи она была совсѣмъ отмѣнена.

Благоразуміе совѣта рабочихъ депутатовъ было вынуждено силою обстоятельствъ. Въ этомъ случаѣ отрезвляюще на вожаковъ рабочихъ подѣйствовалъ опытъ, вынесенный изъ дѣйствій манифестировавшей 18 октября толпы. «Толпа была настроена пугливо;

достаточно было одного крика на Литейномъ проспектѣ «казаки!», какъ толпа дрогнула и стала разбѣгаться; съ трудомъ удалось «командующимъ» (демонстрантами) возстановить порядокъ—съ такою массою не побѣждаютъ, не идутъ на приступы!» (стр. 84). Такъ какъ въ охватившей затѣмъ 101 городъ контръ-революціи, по подсчетамъ лѣвыхъ партій,—крайне преувеличеннымъ, — выбыло изъ среды рабочихъ, студенчества и интеллигенціи (стр. 91) 3 тыс. убитыхъ и 10 тыс. раненыхъ, то дальнѣйшія активныя выступленія слѣдовало пріостановить, а опасенія контръ-революціи можно было использовать въ интересахъ боевого подготовленія дальнѣйшаго движенія инымъ путемъ. Поэтому 26 октября на засѣданіи депутатовъ городского района детально осуждается вопросъ объ организаціи боевыхъ дружинъ, но конкретно эти предложенія въ жизнь не воплощаются за отсутствіемъ оружія.

Послѣ 29 октября, въ виду распущенныхъ среди рабочихъ слуховъ о томъ, будто «черная сотня» готовитъ репрессаліи освободительному движенію, рабочія массы «охватываются лихорадочнымъ желаніемъ имѣть въ своемъ распоряженіи орудія самозащиты». На металлическихъ заводахъ спѣшно выдѣлываются металлическія плети, пики, клинки, кастеты. Самооборона этимъ не исчерпывается, — рабочіе на покупку огнестрѣльнаго оружія изъ своего скуднаго бюджета выдѣляютъ: Путиловскій заводъ 5 тыс. руб., Семяниковскій 2 т. р., Франко-русскій заводъ свыше 1.500 р. и т. д. (стр. 94).

Изъ-за границы при участіи женевскаго революціоннаго комитета выписывается оружіе—между прочимъ, одинъ транспортъ таковаго поручено было водворить въ Россію свящ. Гапону на суднѣ «Крафтонъ» чрезъ Финляндію, но это предпріятіе не удалось.

Вооружено было, такимъ образомъ, до 6.000 челов. «рабочей милиціи» (стр. 96).

Хотя цѣлью вооруженія выставлялась безобидная охрана мирныхъ жителей и рабочихъ отъ хулигановъ, «активнымъ участникамъ совѣта были извѣстны... историческіе прецеденты...: возстанія возникаютъ стихійно», и для этого «необходимо было имѣть организованные кадры, которые въ опредѣленный моментъ могли бы взять на себя руководящую роль въ возстаніи» (стр. 98).

Для желанной побѣды революціи «по общему ходу вещей» выдвигался вопросъ о *разоруженіи самодержавія и вооруженіи революціи*;—поэтому дальнѣйшія выступленія рабочихъ задавались спеціальною цѣлью связать революціонный пролетаріатъ съ арміею и флотомъ, революціонировавъ ихъ. Въ октябрѣ «почти на всѣхъ петербургскихъ заводахъ и фабрикахъ въ спеціальныхъ ящикахъ старательно собирались для солдатъ газеты, листки, прокламаціи. Съ литературою этою солдатъ знакомили въ заводскихъ «уборныхъ» подъ аккомпанементъ надлежащихъ комментаріевъ со стороны сознательныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ «для широкой агитаціи подготовлялась почва».

Для новаго выступленія рѣшено было использовать безпорядки, подготовленные партіею революціоннаго движенія.

26 октября, дѣйствительно, въ Кронштадтѣ вспыхнули среди матросовъ безпорядки, но они совершенно непредвидѣнно для «командующихъ» перешли въ пьяную оргію, и были подавлены уже 28 октября.

При этомъ удобномъ случаѣ «пролетаріату предуказывалось» осязательно показать, что, призывая армію на свою сторону, онъ борется и за революціонную армію»... Пролетаріатъ это и показалъ, заявивъ: «дѣло матросовъ есть дѣло рабочихъ» (стр. 106 и 107).

Затѣваемую опять забастовку пытался опротестовать депутатъ отъ металлическаго завода Растеряева.

«Наша резолюція,—говоритъ онъ,—не желательна. Наша резолюція—отмѣна смертной казни, военнаго положенія, военнаго суда—и протесты должны бы выразиться въ формѣ митинговъ, демонстрацій»; активное же выступленіе съ забастовкою «разобьетъ наши силы» (стр. 111).

Одновременно съ этимъ совѣтъ 29 октября декретируетъ установить еще и восьмичасовой рабочій день (захватнымъ правомъ), такъ какъ «прежнія нормы вымирали», «факты отмѣняли право», а «захватное право окрашивало все содержаніе пролетарской борьбы» (стр. 99 и 101). При дебатахъ о проведеніи 8-часового рабочаго дня въ заднихъ рядахъ собранія кричатъ: «Не кончили съ абсолютизмомъ, а начинаете съ капиталистами борьбу», но это «замѣчаніе тонетъ въ атмосферѣ общаго подъема» (стр. 103).

Историки совѣта рабочихъ депутатовъ сами соглашаются, что петербургскій пролетаріатъ переоцѣнилъ свои силы, ибо даже во Франціи при 750 тыс. тѣсно сплоченныхъ синдикалистовъ, увлекшихъ за собою 2-милліонную армію рабочихъ, эта рать оказалась безсильною побѣдить капиталистовъ и буржуазную общественность въ борьбѣ за 8 - часовой рабочій день, и, тѣмъ не менѣе, ни совѣтъ рабочихъ, ни исполнительный комитетъ не считали нужнымъ руководствоваться элементарнымъ правиломъ тактики—erst wägeu und dann wagen.—Хотя они прямо утверждаютъ, что имѣли силу удержать рабочихъ отъ этого эксперимента, но не сдѣлали этого, потому что упустили изъ виду потенціальную возможность дѣйствій—«поведенія противника», а въ голомъ фактѣ борьбы за 8-часовой рабочій день, независимо отъ ея исхода, признавали принципіальную «цѣлесообразность» и «плюсъ» (стр. 136 и 137).

Что этотъ экспериментъ ici anima vili могъ при неудачѣ тяжело отразиться на положеніи рабочихъ,

о томъ Р. С.-Д. Р. П. особенно не тужила, потому что временныя пораженія рабочихъ и ихъ ущербы освящены соціалистическими традиціями.

По увѣреніямъ совѣта, «ноябрьская забастовка проходила великолѣпно» (стр. 209), на самомъ же дѣлѣ забастовка великолѣпно проваливалась—многіе заводы и фабрики продолжали работать вопреки приказу совѣта, а торговля, конки, почта, телеграфъ и желѣзныя дороги и совсѣмъ не откликнулись на призывъ прекратить работы.

Поэтому въ засѣданіи совѣта рабочихъ депутатовъ 4 ноября былъ уже возбужденъ вопросъ о прекращеніи стачки, а 5 ноября окончательно было принято рѣшеніе прекратить забастовку съ 7 ноября.

Въ засѣданіи Совѣта 1 ноября, постановлявшемъ привести въ дѣйствіе вторую всеобщую забастовку, мотивомъ для нея выставлялся протестъ противъ военнаго суда надъ мятежными кронштадтскими матросами и противъ объявленія Царства Польскаго на военномъ положеніи, но фактически петербургскіе рабочіе пошли на забастовку, понявъ ее за призывъ къ безповоротному введенію 8-часового рабочаго дня.

2 ноября было послано телеграфное *предостереженіе графа Витте* къ столичнымъ рабочимъ — не дѣлать новаго опыта забастовки, такъ какъ отъ этого эксперимента прежде всего потерпятъ сами же рабочіе, но успѣха это не возымѣло—убѣдить рабочихъ въ ихъ заблужденіяхъ могли не доводы разсудка, но бѣдственный опытъ.

Такъ какъ вторая забастовка предшествовалась и сопровождалась насильственнымъ осуществленіемъ 8-часового рабочаго дня, то капиталисты, почуявъ уже силу правительства, объединились по производствамъ въ союзы для борьбы съ рабочими, а затѣмъ 4

ноября на захватное введеніе 8 - часового рабочаго дня владѣльцы 72 металлическихъ предпріятій, владѣльцы текстильныхъ фабрикъ и стеклянныхъ заводовъ отвѣчали грозными объявленіями. На фабрикахъ и заводахъ были вывѣшены печатные плакаты, гдѣ рабочіе предварялись, что заведенія будутъ закрыты, а рабочіе поголовно подвергнутся локауту, если не подчинятся установленному по фабричнымъ и заводскимъ правиламъ рабочему времени.

Эту угрозу промышленники и начали не медля осуществлять на дѣлѣ.

Засѣданіе совѣта рабочихъ депутатовъ 6 ноября опять посвящается разсмотрѣнію вопроса о ликвидаціи 8-часового рабочаго дня.

Хотя за короткій срокъ дѣйствія ноябрьской стачки достаточно выяснилось, что продолженіе этой безнадежной борьбы приведетъ рабочія массы только къ полному истощенію, совѣтъ, не желая дискредитировать себя рѣшительнымъ отступленіемъ, придумалъ компромиссъ: отмѣнить повсемѣстно проведеніе 8-часового рабочаго дня, но въ то же время рекомендовать рабочимъ на ихъ страхъ «немедленно и дружно добиваться возможнаго сокращенія рабочаго времени». Такое постановленіе только внесло смущеніе въ рабочія массы. Вмѣсто поддержки согласованными дѣйствіями и проявленія пресловутаго своего могущества совѣтъ предоставлялъ рабочимъ самимъ вразбродъ домогаться, чего захотятъ. Этимъ однимъ совѣтъ въ корнѣ подрывалъ свой престижъ.

Въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта, состоявшемся лишь 6 дней спустя, т.-е. 12 ноября, выяснилось полное крушеніе компромисса, предложеннаго рабочимъ къ руководству въ предыдущемъ засѣданіи (6 ноября) — 13 фабрикъ были уже закрыты, и локауту подверглось до 19 тыс. рабочихъ. Это событіе нанесло первый

внѣшній ударъ рабочей революціи, вопреки всѣмъ діалектическимъ хитросплетеніямъ историковъ совѣта рабочихъ депутатовъ (стр. 120, 124, 249—251).

Въ засѣданіи 12 ноября совѣтъ ограничился подтвержденіемъ прежняго постановленія «временно пріостановить немедленное и повсемѣстное захватное введеніе 8-часового рабочаго дня».

Оставался неразрѣшеннымъ настоятельный вопросъ о защитѣ и поддержкѣ рабочихъ, подвергшихся локауту; вопросъ этотъ разбирался въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта 13 ноября—внесено было предложеніе на закрытіе предпринимателями фабрикъ и заводовъ реагировать новою всеобщею забастовкою, но предложеніе это тотчасъ же было отвергнуто за неосуществимостью.

Въ постановленіи, состоявшемся въ засѣданіи 14 ноября, совѣтъ свидѣтельствуетъ, что въ Петербургѣ и другихъ мѣстностяхъ разсчитано свыше 100 тыс. рабочихъ. Широковѣщательная резолюція въ видѣ обращенія исполнительнаго комитета «къ гражданамъ» императивно требовала немедленнаго прекращенія локаута и открытія фабрикъ и заводовъ подъ угрозою объявленія всероссійской забастовки, но прокламація эта (опубликованная 14 ноября въ газетахъ) никакого впечатлѣнія ни на промышленниковъ, ни вообще на столичное населеніе не произвела.

Призывъ, сдѣланный въ томъ же засѣданіи 14 ноября, оказывать матеріальную помощь безработнымъ практическаго успѣха тоже не возымѣлъ.

По предложенію федеративнаго совѣта Р. С.-Д. Р. П. 14 ноября при совѣтѣ депутатовъ была образована комиссія безработныхъ, въ составѣ трехъ членовъ отъ исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ депутатовъ, 6 представителей отъ эс-дековъ (по три на фракцію большевиковъ и меньшевиковъ) 3—отъ эс-еровъ. Ко-

миссія задавалась устройствомъ помощи разсчитаннымъ рабочимъ, но «кто могъ не жертвовалъ, а кто хотѣлъ, тотъ не могъ». Совѣтъ рабочихъ депутатовъ на столовыя отпустилъ 10 тыс. руб., с.-петербургская городская дума—2 тыс. руб., заводскіе и фабричные рабочіе производили отчисленія изъ заработной своей платы. Выдача денежныхъ пособій безработнымъ совершалась въ размѣрѣ 30 к. ежедневно на семью, съ добавкою по 15 или 10 к. на каждаго ребенка. Деньги таяли быстро. Журналъ «Русское Богатство» сдѣлалъ пожертвованіе въ 1.500 руб.; союзъ инженеровъ, мастеровъ и техниковъ изъявилъ согласіе принимать безработныхъ на заводы и фабрики, по указанію С. Р. Д., но пристраивались единицы, а тысячи тщетно стучались въ тощую кассу комиссіи безработныхъ (стр. 144—146 passim). Поэтому нужда рабочихъ и ихъ разочарованія неотвратимо росли, и прежнее побѣдное настроеніе начало смѣняться уныніемъ [1].

Въ дальнѣйшемъ совѣтъ рабочихъ оказывался безсильнымъ проявить активную дѣятельность, потому что довѣріе къ нему было похоронено въ провалѣ захватнаго 8-часового дня, который для рабочихъ являлся нагляднымъ и осязательнымъ средоточіемъ программныхъ требованій соціалистическихъ партій, (для рабочихъ довольно безразличныхъ).

При сказавшейся невозможности вызвать ради достиженія 8-часового рабочаго дня всеобщую забастовку рабочая масса особенно ужъ не могла интересоваться гадательными предположеніями совѣта, при

---

[1]) Уже не требованія, а просьбы рабочихъ и ихъ переговоры съ заводскими администраціями хоть сколько нибудь сократить рабочее время оказывались безуспѣшными, такъ какъ фабриканты, связанные взаимными обязательствами, на уступки не подавались (стр. 253 и 254).

ближайшемъ участіи соціалистическихъ партій, о созывѣ въ ноябрѣ либо въ декабрѣ съѣзда делегатовъ отъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ разныхъ городовъ, отъ профессіональныхъ союзовъ и стачечныхъ комитетовъ «для обсужденія ближайшихъ задачъ пролетаріата и выработки соотношенія между профессіональнымъ и политическимъ движеніемъ» [1]).

26 ноября былъ арестованъ Носарь-Хрусталевъ, а 27 ноября состоялось избраніе въ совѣтѣ трехглаваго президіума вмѣсто Носаря, при чемъ внесенное предложеніе объявить опять забастовку въ знакъ протеста противъ «взятія правительствомъ въ плѣнъ» товарища Носаря было отвергнуто. Это было последнее засѣданіе совѣта, такъ какъ съ 27 ноября по 3 декабря засѣданія имѣлъ только исполнительный комитетъ совѣта.

Арестъ Носаря серьезныхъ выступленій со стороны рабочихъ не вызвалъ, и только на нѣкоторыхъ заводахъ состоялись платоническія резолюціи протеста.

2 декабря въ 8 либеральныхъ столичныхъ газетахъ, по распоряженію исполнительнаго комитета, былъ напечатанъ манифестъ отъ имени: 1) совѣта рабочихъ депутатовъ, 2) главнаго комитета крестьянскаго союза, 3) центральнаго комитета и организаціонной комиссіи россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, 4) центральныхъ комитетовъ партій соціалистовъ-революціонеровъ и 5) польской соціалистической партіи. Здѣсь населеніе приглашалось отказываться отъ взноса выкупныхъ и иныхъ платежей, требовать при всѣхъ сдѣлкахъ, выдачѣ заработной платы и жалованья

---

[1]) Для подготовленія намѣченнаго соглашенія совѣтомъ 15 ноября были отряжены депутаты въ Москву, на югъ Россіи и въ Поволжье; съ сѣверо-западнымъ краемъ предположено было объединиться черезъ „Бундъ“ и С. З. соціалъ-демократическій союзъ (стр. 139).

уплаты золотомъ, а при суммахъ менѣе 5 руб.—полновѣсную звонкую монету и выбирать вклады изъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ и государственнаго банка, требуя уплаты всей суммы вкладовъ золотомъ [1]).

За напечатаніе манифеста 2 же декабря были закрыты газеты: «Начало», «Новая Жизнь», «Сынъ Отечества», «Русь», «Наша Жизнь», «Свободное Слово», «Свободный Народъ» и «Русская Газета», при чемъ въ тотъ же день ночью всѣ остальныя газеты были предупреждены, что если въ нихъ появится перепечатка манифеста, то и онѣ подвергнутся той же участи.

На слѣдующій день, т.-е. 3 декабря, состоялся арестъ всего наличнаго состава совѣта рабочихъ депутатовъ, въ числѣ около 190 человѣкъ.

Въ видѣ протеста противъ этой правительственной мѣры къ рабочимъ организаціямъ былъ обращенъ крайними партіями призывъ произвести *третью* по счету всеобщую забастовку, но въ Петербургѣ это предложеніе рѣшительно никакого успѣха не встрѣтило и «отголосокъ себѣ нашло только въ московскомъ возстаніи».

Таковъ въ общихъ чертахъ фактическій ходъ событій; переданъ онъ здѣсь большею частью подлинными словами составителей «Исторіи совѣта рабочихъ депутатовъ», и этимъ исключается возможность обвинять изложеніе въ пристрастіи или искаженіи фактовъ.

---

[1]) Авторы „Исторіи совѣта рабочихъ депутатовъ“ впослѣдствіи оправдывали эту мѣру приготовленіями къ вооруженному возстанію и прецедентами подобныхъ же дѣйствій, допущенныхъ Берлинскимъ Чартистскимъ конгресомъ въ 1839 г. и Прусскимъ земскимъ ландтагомъ 16 ноября 1848 г. (стр. 174, 190—192).

Изъ разсказаннаго видно, что совѣтъ рабочихъ депутатовъ явился кульминаціоннымъ и явнымъ выраженіемъ революціоннаго движенія, подготовлявшагося нѣсколько лѣтъ и достигшаго въ октябрѣ 1905 г. своей высшей точки. Въ дѣлѣ организаціи первой всеобщей забастовки этотъ «органъ революціоннаго самоуправленія» сыгралъ хотя и видную, но не главную роль, такъ какъ всѣ его дѣйствія направлялись крайними партіями, преимущественно россійскою соціалъ-демократическою рабочею партіею, только недавно «вышедшею изъ подполья».

Несомнѣнно, совѣтъ рабочихъ депутатовъ представлялъ собою не причину, но скорѣе *производный* продуктъ октябрьскаго революціоннаго потока, разбушевавшагося подъ вліяніемъ сентябрьскихъ митинговъ, широкій просторъ для коихъ открыла вслѣдъ за опубликованіемъ указа 27 августа автономія высшихъ учебныхъ заведеній, претворившая ихъ, *произволеніемъ* академической молодежи, въ «очаги революціи».

Совѣтъ рабочихъ депутатовъ рѣшилъ самостоятельно выступить единственный разъ, организовавъ и вызвавъ къ жизни *вторую* ноябрьскую забастовку. Шагъ этотъ не привелъ къ желанной цѣли и, естественно, привелъ совѣтскую организацію къ крушенію, съ одной стороны, по причинѣ обезсиленія и разочарованія рабочихъ массъ, а съ другой—вслѣдствіе организованнаго выступленія петербургскихъ промышленниковъ противъ вдохновителей рабочихъ.

Такимъ образомъ къ моменту ареста Хрусталева-Носаря и совѣта рабочихъ депутатовъ революціонный починъ послѣднихъ былъ дискредитированъ въ средѣ столичныхъ рабочихъ, а потому и самый арестъ вожаковъ и руководителей рабочаго движенія не могъ вызвать сколько-нибудь серьезнаго активнаго противодѣйствія.

Не слѣдуетъ забывать, что какъ ни умаляется актъ 17 октября 1905 г., онъ внесъ рѣшительный переломъ въ революціонное движеніе 1905 г.

Графъ С. Ю. Витте сталъ во главѣ совѣта министровъ въ самый тревожный моментъ, когда революція была въ полномъ разгарѣ. Это былъ тотъ моментъ, когда едва ли не всѣ слои населенія сознательно и безсознательно вносили каждый свою долю участія въ всеобщій протестъ, лишая правительство опоры и содѣйствія въ борьбѣ съ революціею.

Даже такой благонадежный по существу охранительный элементъ, какъ промышленники, въ началѣ 1905 г.—да и ранѣе, дѣйствовали рука объ руку съ рабочими противъ правительства.

Такъ, въ январѣ 1905 г. группа крупнѣйшихъ московскихъ фабрикантовъ въ запискѣ, представленной предсѣдателю комитета министровъ, писала: «Русской промышленности часто приходится испытывать неудовольствіе занятыхъ въ ней рабочихъ... Настоящія рабочія волненія хотя и построены на экономической почвѣ, въ то же время являются крупнымъ политическимъ движеніемъ, связаннымъ съ общимъ настроеніемъ».

Въ докладной запискѣ, представленной около того же времени предсѣдателю комитета министровъ фабрикантами и заводчиками центральнаго района, высказывалось: «Рабочіе, пріостановивъ работы подъ предлогомъ различныхъ недовольствъ экономическаго свойства, объединяются затѣмъ въ группы... и предъявляютъ... рядъ... политическихъ уже требованій... Приходится констатировать, что они (эти требованія) являются отголоскомъ накопившагося въ странѣ недовольства, на почвѣ общаго правового положенія, каковое одинаково испытываютъ, какъ культурные элементы общества, такъ и народъ съ наиболѣе отзывчивымъ его классомъ—рабочими».

Въ запискѣ, представленной министру финансовъ отъ фабрикантовъ и заводчиковъ петербургскаго района въ концѣ января 1905 г., говорилось: «Вопросамъ объ экономическомъ положеніи рабочихъ отводится очень видная роль въ объясненіи послѣднихъ событій, но это представляется ошибочнымъ... Изолировать рабочихъ нельзя и успокоить рабочихъ уступками также нельзя, пока окружающая среда находится въ броженіи... Если рабочее волненіе обращаетъ на себя исключительное вниманіе, то потому, что оно массовое, и выражается болѣе рѣзко, стихійно, но волненіе есть вездѣ, и оно не только не прекращается, но прогрессируетъ... Средствомъ, безспорно дѣйствительнымъ, къ умиротворенію рабочаго движенія въ будущемъ или, по крайней мѣрѣ, къ устраненію въ немъ той жгучести, которая теперь въ немъ наблюдается, являются болѣе глубокія реформы обще-государственнаго характера».

Въ октябрѣ же 1905 г. контора желѣзозаводчиковъ писала графу Витте: «Россія вѣритъ только фактамъ; ея кровь и нищета не позволяютъ уже вѣрить словамъ».

Поэтому въ эпоху октябрьской стачки промышленники не только не препятствовали рабочимъ собираться, но не проявляли и активнаго противодѣйствія ихъ требованіямъ объ уплатѣ за забастовочное время. О локаутѣ рабочихъ никто изъ промышленниковъ тогда не помышлялъ, такъ какъ все сливалось въ ожиданіи неизбѣжныхъ перемѣнъ.

Съ изданіемъ манифеста 17 октября картина рѣзко мѣняется—манифестъ, доставивъ политическое удовлетвореніе одной части общества, сѣетъ расколъ въ революціонномъ настроеніи и обращаетъ движеніе рабочихъ массъ уже не столько противъ правительства, сколько противъ промышленниковъ; непримиримая

же дальнѣйшая тактика революціонеровъ вызываетъ взрывъ контръ-революціи, которая съ 18 по 24 октября охватываетъ до 100 городскихъ поселеній.

Убійствамъ и избіеніямъ подвергались не только евреи, но и революціонные элементы и просто заподозрѣваемые въ освободительномъ движеніи.

Такое разслоеніе въ революціонномъ движеніи и отнятіе у него прежней общности и интенсивности вызвано было дѣйствіемъ исключительно манифеста 17 октября, существенно обезсилившаго и обезвредившаго революціонныя наступленія.

Контръ-революція особенно рѣзко сказалась въ провинціи; что касается Петербурга, то и здѣсь количество лицъ, демонстрировавшихъ 18 октября на уличныхъ скопленіяхъ съ бѣлыми флагами, было весьма внушительно и вызывало одно время серьезныя опасенія кровавой расправы съ сторонниками красныхъ значковъ.

Этими опасеніями и объясняется уступчивость, съ которою совѣтъ рабочихъ депутатовъ, возвѣстивъ на 23 октября манифестацію по поводу похоронъ 23 убитыхъ при столкновеніи толпы съ войсками у технологическаго института, отмѣнилъ ее во избѣжаніе возможнаго погрома.

При томъ положеніи, въ какомъ находилась правительственная власть въ октябрѣ 1905 г., не увѣренная даже въ возможности во всѣхъ случаяхъ опереться на вѣрность арміи и флота, вспыхнувшее, вслѣдъ за распубликованіемъ манифеста 17 октября, контръ-революціонное движеніе вполнѣ понятно. Надо вспомнить, какія безобразныя проявленія принимала смута въ предшествующіе мѣсяцы —если нездоровые инстинкты разбушевались ранѣе провозглашенія свободъ, то естественны были опасенія еще худшаго послѣ 17 октября—отсюда и явилось стихійное и естественное

стремленіе части населенія, имѣвшей что-либо охранять, противоборствовать террористическому засилію другой части населенія и политическимъ хулиганствамъ, при обнаруживавшемся за предшествовавшіе мѣсяцы явномъ безсиліи и неспособности поколебленной власти (при фактической диктатурѣ генерала Трепова) возстановить порядокъ и оградить населеніе отъ ничѣмъ не оправдываемыхъ революціонныхъ эксцессовъ.

На ряду съ этимъ и въ культурныхъ слояхъ общества манифестъ 17 октября произвелъ ожидавшееся отъ него дѣйствіе: разница убѣжденій заставила недавнихъ союзниковъ дифференцироваться и, въ концѣ-концовъ, возобладало настроеніе, которое заставило массу буржуазіи отшатнуться отъ сочувствія антигосударственнымъ выступленіямъ рабочихъ массъ, —то благо, какое можно было почерпнуть изъ «освободительнаго движенія», въ смыслѣ созданія правомѣрныхъ условій для дальнѣйшаго мирнаго поступательнаго преуспѣянія государственности, было уже достигнуто преобразованіями, возвѣщенными манифестомъ 17 октября, и всѣ дальнѣйшія революціонныя выступленія явственно знаменовали видоизмѣненіе революціонныхъ теченій изъ политической въ сторону «соціальной революціи».

Если первая общая забастовка, построенная, быть-можетъ, на компромиссѣ между буржуазіею и пролетаріатомъ, протекала при сочувствіи и поддержкѣ либеральныхъ партій, насчитывавшихъ въ своихъ рядахъ чуть ли не всю русскую интеллигенцію, то вторая ноябрьская забастовка далеко не одобрялась этими партіями. Въ самыхъ либеральныхъ газетахъ ноябрьская забастовка и ея мотивы вызывали нескрываемое осужденіе. Особенно опредѣлительно высказалось это настроеніе и въ извѣстномъ письмѣ П. Н. Милю-

кова, и въ рядѣ злободневныхъ статей, появившихся въ «Правѣ»—органѣ наиболѣе либеральной интеллигенціи.

Вліяніе манифеста 17 октября на тогдашнее общественное настроеніе не отрицаетъ и Носарь, который въ «Исторіи совѣта рабочихъ депутатовъ» писалъ: «...Сожительство буржуазіи съ пролетаріатомъ было кратковременнымъ. *Съ 17 октября начинается разслоеніе.* Лѣвое крыло буржуазіи заявляетъ открыто о томъ, что пора отмежеваться слѣва и справа» (стр 153). Такіе взгляды, дѣйствительно, высказывались со всѣхъ сторонъ. Проф. М. Д. Кузьминъ-Караваевъ писалъ въ «Руси»: «Мы должны вырвать дорогую отчизну изъ рукъ тѣхъ, кто ее поставилъ на край гибели, и не дать въ руки тѣхъ, кто готовъ ее бросить въ водоворотъ соціальной революціи или нашей русской Пугачевщины». Петрункевичъ въ «Правѣ» заявляетъ, что «пока правительство—единственный органъ, вокругъ котораго можно объединиться».

По поводу разслоенія буржуазіи и пролетаріата, произведеннаго манифестомъ 17 октября, Носарь не безъ язвительной ироніи подчеркиваетъ, что «земскіе революціонеры послѣ 17 октября будутъ дѣлать революцію лишь съ дозволенія начальства».

Такъ оно и случилось въ дѣйствительности.

Достаточно было правительству опредѣлительно и ясно показать, что актомъ 17 октября исчерпывается та сумма вольностей, которая даруется обществу, и что это предѣлъ, «его же не прейдеши», какъ постепенно резолюціи обще-земскихъ съѣздовъ, съ іюля 1905 г. сильно полѣвѣвшія подъ вліяніемъ преобладанія на нихъ болѣе радикально настроенныхъ земцевъ, стали сходить на нѣтъ, и требованія учредительнаго собранія, автономіи окраинъ, всеобщаго равнаго и тайнаго избирательнаго права и пр. стали постепенно все болѣе и болѣе замирать.

Впрочемъ, несочувствіе буржуазной интеллигенціи активнымъ выступленіямъ пролетарской массы—хотя бы подъ флагомъ протестовъ противъ введенія военнаго положенія въ Царствѣ Польскомъ и военныхъ судовъ—могло представлять для рабочей массы только моральное значеніе.

Несравненно болѣе вѣское вліяніе на ходъ событій возымѣлъ крутой поворотъ въ тактикѣ промышленниковъ.

Непредвидѣнное измѣненіе «поведенія противника» и свалившееся на голову рабочимъ закрытіе фабрикъ и заводовъ хозяевами съ локаутомъ рабочихъ, а отсюда надвигавшаяся нищета и голодъ произвели на рабочихъ ошеломляющее впечатлѣніе. По ихъ представленію выходило, что правительство ни на какія дѣйствія не рѣшалось и заключилось въ выжидательное положеніе, а вотъ небольшая кучка промышленниковъ не побоялась и активно выступила съ своимъ отпоромъ противъ рабочихъ. Хотя совѣтъ рабочихъ депутатовъ въ «Исторіи» и обосновывалъ post factum свои агрессивныя дѣйствія высшими соображеніями, но въ ноябрѣ онъ былъ сраженъ отпоромъ промышленниковъ и растерялся. Нѣсомнѣнно, въ средѣ совѣта были и такія лица, которыя постигали, что средства, коими правительство располагаетъ въ борьбѣ со смутою или революціею, т.-е. аресты зачинщиковъ и дѣйствіе оружіемъ противъ массовыхъ выступленій, представляли въ октябрѣ мѣсяцѣ малую дѣйственность: первые по неосуществимости арестовывать всѣхъ виновныхъ, а второе по неувѣренности въ войскахъ и опасенію риска ихъ деморализировать. Локаутъ же рабочихъ оказывался не практиковавшимся пока, но могущественнымъ боевымъ средствомъ и такою угрозою голодной смерти, которую ни побѣдить, ни отвратить было нельзя.

Фабриками и заводами, конечно, можно было завладѣть по захватному праву, возможно было ихъ сжечь и уничтожить, надъ отдѣльными промышленниками возможно было даже учинить насилія, но добыть достаточныя средства и прочно обезпечить существованіе рабочихъ, въ достаточной уже мѣрѣ истощенныхъ предшествовавшими многочисленными частными и общими забастовками, при нежеланіи промышленниковъ опять пустить въ ходъ фабрики, вотъ это-то и представлялось невозможнымъ.

Самъ Носарь, повидимому, смутно предчувствовалъ крушеніе новаго выступленія въ формѣ ноябрьской забастовки, и въ «Исторіи совѣта рабочихъ депутатовъ» признается: «Октябрьскія впечатлѣнія не улеглись и подъ свѣжимъ ихъ впечатлѣніемъ пролетаріатъ переоцѣниваетъ свои силы; ему страстно хочется возможность превратить въ дѣйствительность» (стр. 102). Не могъ Носарь отрицать и провала ноябрьской забастовки (стр. 116 и 117), а на стр. 120 «Исторіи» прямо говорится: «Депутаты, поддерживавшіе резолюцію исполнительнаго комитета (о прекращеніи второй забастовки), мотивировали неотложность назначенія срока ея прекращенія тѣмъ, что на нѣкоторыхъ заводахъ и фабрикахъ настроеніе пало, что предшествовавшія забастовки окончательно истощили рабочихъ, и только опредѣленное указаніе, когда прекратится стачка, можетъ поддержать день-два стачечную волну, идущую на убыль».

Точно такъ же правильно оцѣнена и вѣрно изложена Носаремъ роль и значеніе тактики промышленниковъ въ ноябрѣ. «Въ своихъ объявленіяхъ,—пишетъ онъ,—владѣльцы 72 предпріятій г. Петербурга угрожали рабочимъ поголовнымъ локаутомъ и закрытіемъ фабрикъ. *Правительство протянуло руку капиталистамъ: первыми были закрыты казенные заводы.* Расторгнув-

шійся было на время союзъ между самодержавіемъ и капиталомъ реставрировался. Если до 29 октября капиталисты лелѣяли мысль о новыхъ политическихъ формахъ, развязывавшихъ свободное шествіе капиталу, то послѣ 29 октября, передъ натискомъ рабочихъ, угрожавшихъ ихъ карману, они возвратились въ лоно самодержавной опеки» (стр. 127).

Далѣе Носарь продолжаетъ:

«Не участвуя въ процессѣ борьбы (октябрьской), капиталъ въ то же время не нападалъ на рабочихъ. Капиталъ не только выдерживалъ благожелательный нейтралитетъ по отношенію къ воюющему пролетаріату, — онъ проявилъ даже нѣкоторое сочувствіе рабочимъ. Въ октябрьскую забастовку капиталисты не только не препятствовали митингамъ на заводахъ, но выдали большинству рабочихъ заработную плату... но 8-часовой рабочій день сблизилъ старыхъ союзниковъ, и союзъ былъ возстановленъ на счетъ рабочихъ. *То, чего не могъ сдѣлать графъ Витте, въ томъ помогли ему предприниматели»* (и, конечно, не безъ вѣдома графа Витте).

Позиція капиталистовъ рѣзко измѣнилась.

«Дальнѣйшее проведеніе 8-часового рабочаго дня обрекало рабочихъ на всѣ ужасы голода и нищеты, такъ какъ тактика капиталистовъ не возбуждала ни у кого сомнѣнія».

Мнѣніе Носаря въ общемъ довольно правильно освѣщаетъ дѣйствительное положеніе вещей и тогдашній ходъ событій.

Оставляя въ сторонѣ оцѣнку значенія манифеста 17 октября по существу его содержанія, въ связи съ общимъ тогдашнимъ положеніемъ, нельзя не подчеркнуть, что, по обстоятельствамъ времени, кабинетъ графа Витте въ борьбѣ съ революціей былъ поставленъ въ необходимость соблюдать величайшую осторожность.

Хотя по опубликованіи манифеста 17 октября напряженіе революціи и пошло на убыль, тѣмъ не менѣе положеніе правительственной власти, расшатанной колебаніями и смутами предшествующихъ 2—3 лѣтъ, къ концу октября далеко не настолько еще упрочилось и у кабинета вовсе не были развязаны руки для рѣшительнаго возстановленія порядка. Достаточно хотя бы вспомнить, что 27 октября разыгралось возстаніе въ Кронштадтѣ.

Октябрьская забастовка постепенно прекратилась сама собою, контръ-революціонныя выступленія удалось унять, и волна революціоннаго прилива, повидимому, начала сбывать, и вдругъ 2 ноября опять послѣдовало объявленіе новой забастовки и возможная агитація противъ военнаго положенія въ Польшѣ и военныхъ судовъ, въ связи съ усиленіемъ пролетарскаго движенія, наводила правительство на тревожныя опасенія, такъ какъ хроническое зло, съ которымъ въ эту пору постоянно приходилось считаться кабинету, заключалось въ недостаточности войска. Главная масса арміи находилась еще за Байкаломъ, а оставшихся въ Россіи войскъ еле хватало на охрану окраинъ и столицъ, при чемъ и тутъ еще пришлось значительную часть войскового контингента распустить за окончаніемъ войны (т.-е. демобилизировать запасныхъ чиновъ, которые были призваны въ ряды арміи только на время войны).

Въ пятницу, 4 ноября, былъ созванъ совѣтъ министровъ для всесторонняго обсужденія рѣшенія о томъ, своевременно ли произвести арестъ Носаря и совѣта рабочихъ депутатовъ. Для выясненія подробностей дѣла въ засѣданіе были приглашены лица, хорошо освѣдомленныя о положеніи и настроеніяхъ рабочихъ массъ.

Въ засѣданіи послѣдовали сообщенія о революціонныхъ организаціяхъ, о прессѣ, о забастовкахъ и воз-

можномъ реагированіи правительства на возвѣщенную забастовку.

Наблюденія и заключенія одного изъ наиболѣе освѣдомленныхъ лицъ, по близости всей своей службы къ фабричнымъ рабочимъ, во многомъ совпадали съ личными взглядами предсѣдателя совѣта министровъ, но онъ предпочелъ сразу не высказываться и дать членамъ совѣта возможность составить себѣ самостоятельный взглядъ на дѣло по точнымъ и многообразнымъ фактамъ, такъ какъ истинное значеніе того, что дѣлается, въ предвидѣніи будущаго, должно устанавливаться на пониманіи народныхъ массъ *въ ихъ дѣйствительномъ настроеніи*, а не на томъ, какъ онѣ рисуются въ резолюціяхъ, постановленіяхъ и организаціяхъ, дѣйствующихъ ихъ именемъ.

Имѣлись многочисленныя свидѣтельства, что дѣйствительное настроеніе массъ далеко не всегда соотвѣтствуетъ тому, что имъ приписывалось въ резолюціяхъ и прессѣ, которыя возможность и желательность выдавали за дѣйствительность. Поэтому правительству въ борьбѣ съ рабочею революціею слѣдовало считаться не столько съ внѣшнею—показною—обстановкою движенія и его представительствомъ, сколько съ самою революціонною массою. Прямое и рѣшительное выступленіе правительства противъ опьяненной еще прежнимъ успѣхомъ массы представляло нѣкоторую опасность; немедленный же арестъ организаціи при тогдашнемъ приподнятомъ настроеніи пролетарской массы могъ, пожалуй, даже подвергнуть столицу ужасамъ хотя и краткосрочной анархіи и разрушенія и возродить пережитки Парижской коммуны 1871 г.

Поэтому, въ интересахъ успѣха вѣрнѣе было пока ограничиться выжиданіемъ упадка и разложенія въ настроеніи рабочихъ и избѣгать крутыхъ мѣръ воздѣйствія, дабы не возбудить массу еще болѣе и тѣмъ

не создать искусственной поддержки ея настроенію. Правительство, конечно, не могло и не должно бы было примиряться съ длительнымъ существованіемъ совѣта рабочихъ депутатовъ, но выборъ момента для ареста членовъ совѣта требовалъ осторожности и, несомнѣнно, пойди правительство на рискъ ареста Носаря и рабочихъ депутатовъ, напримѣръ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, эта мѣра повлекла бы за собою послѣдствія, какія не поддавались и приблизительному учету.

Между тѣмъ объявленная уже 2 ноября, подъ флагомъ политической демонстраціи, забастовка направлялась самими же рабочими почти исключительно къ насильственному установленію 8-часового рабочаго дня и должна была неизбѣжно натолкнуться на рѣшительный отпоръ со стороны промышленниковъ, въ видѣ закрытія фабрикъ и заводовъ, а по свидѣтельству опрошенныхъ чиновъ фабричной инспекціи матеріальное положеніе рабочихъ настолько уже было напряжено отчисленіями на прежнія и теперешнюю забастовку, что окончательное прекращеніе заработковъ неотвратимо должно было привести рабочую массу къ полному разстройству, къ пониженію ея настроенія и крушенію авторитета совѣта рабочихъ депутатовъ.

Предъявленіе требованій о 8-часовомъ рабочемъ днѣ и о важнѣйшихъ условіяхъ найма ясно указывали на поворотъ революціи въ сторону соціальнаго движенія, а это неизбѣжно должно было вызвать убѣжденное, дружное и рѣшительное реагированіе противъ революціи со стороны всѣхъ состоятельныхъ, а потому и охранительныхъ, классовъ населенія.

Отнюдь не отрицая значенія разнородныхъ организацій въ революціонномъ движеніи, имъ, однакоже, не слѣдовало приписывать рѣшающаго вліянія на дальнѣйшій ходъ событій. Организаціи и успѣшность ихъ дѣятельности вообще являются только показателями

настроенія массъ, а по мѣрѣ обезсиленія послѣднихъ и организаціи подвергаются разрушенію сами собою. Поэтому трудно согласиться съ утвержденіемъ, будто совѣтъ рабочихъ депутатовъ и союзъ союзовъ могли по произволенію поддержать революцію. На вопросъ одного изъ членовъ совѣта министровъ, чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить завѣдомый фактъ, что по приказу этихъ именно организацій предпринимаются рѣшительныя дѣйствія, въ родѣ забастовки, послѣдовалъ отвѣтъ, что организаціи только суммируютъ и объединяютъ разрозненные почины движенія, обусловливаемаго возбужденнымъ состояніемъ умовъ и революціоннымъ настроеніемъ самой рабочей массы. По этой же причинѣ, пока въ массѣ царитъ еще бодрое настроеніе, самый арестъ тѣхъ или иныхъ организацій вызоветъ только еще большій разгаръ движенія, а выбывшія организаціи замѣнятся новыми.

Не подлежитъ сомнѣнію, что одинъ уже арестъ организаціи въ моментъ возбужденнаго состоянія массы сможетъ только вызвать усиленіе движенія и еще большее его сплоченіе. Даже и въ мирное время нельзя навѣрняка усчитывать послѣдствій ареста подстрекателей къ стачкамъ—иногда онъ приводитъ къ предупрежденію стачки, а иногда, наоборотъ, прямо вызываетъ бурное и дружное наступленіе и развитіе стачки.

Такимъ образомъ хорошо освѣдомленныя лица, приглашенныя въ совѣтъ министровъ, рѣшающее значеніе усвояли за настроеніемъ рабочей массы и по ходу тогдашнихъ событій высказывали опасенія, что преждевременность ареста совѣта депутатовъ вызоветъ прямо обратные успокоенію результаты и даже укрѣпитъ дальнѣйшее движеніе; а такъ какъ надвигавшіяся событія давали возможность предугадывать, что рабочее движеніе, будучи повернуто противъ промышленниковъ и кровныхъ ихъ интересовъ, встрѣтитъ отпоръ

и неотвратимо станетъ падать отъ самой своей безрезультатности, а подъ вліяніемъ усталости и голода рабочихъ станетъ разлагаться, то благоразуміе подсказывало не разжигать движенія торопливостью мѣръ, польза которыхъ въ данный моментъ подвергалась большимъ сомнѣніямъ; поэтому рекомендовалось ограничиться выжиданіемъ, пока не объявятся неизбѣжныя послѣдствія необдуманной забастовки, въ смыслѣ окончательнаго пораженія рабочаго движенія [1]).

Подведя итогъ сужденіямъ, происшедшимъ въ засѣданіи совѣта министровъ 4 ноября, графъ С. Ю. Витте и предложилъ рѣшительныя дѣйствія отложить впредь до выясненія неминуемыхъ послѣдствій забастовки; съ правильностью такого рѣшенія согласились всѣ члены совѣта. Въ принципѣ совѣтъ тогда же рѣшилъ произвести арестъ Носаря и всего совѣта рабочихъ депутатовъ, но положилъ повременить съ приведеніемъ этой мѣры въ исполненіе, пока не послѣдуетъ о томъ распоряженіе отъ графа Витте.

Около 10 ноября графъ Витте имѣлъ уже вѣскія основанія для увѣренности въ томъ, что арестъ Носаря и совѣта депутатовъ можетъ состояться безъ кровопролитія и не создастъ для правительства затрудненій, въ родѣ волненій и новыхъ выступленій рабочей массы. Поэтому были сдѣланы по Министерству Внутреннихъ дѣлъ соотвѣтствующія распоряженія. 26 ноября произведенъ былъ арестъ Носаря, а 3 декабря совѣта въ наличномъ его составѣ. Такъ какъ министръ внутрен-

---

[1]) Дѣйствительность вполнѣ оправдала эти предположенія: уже 5 ноября совѣтъ рабочихъ депутатовъ призналъ полную несостоятельность забастовки. Закрытіе фабрикъ и локаутъ рабочихъ внесли въ рабочую среду расколъ и дезорганизацію и съ этого же момента совѣтъ рабочихъ депутатовъ сталъ быстро утрачивать вліяніе и значеніе, какъ это описано выше, что и подтверждается ранѣе изложенными выписками изъ «Исторіи совѣта рабочихъ депутатовъ».

нихъ дѣлъ опасался неосторожнымъ арестомъ однихъ членовъ совѣта депутатовъ упустить изъ рукъ остальныхъ, то произошло нѣкоторое замедленіе, дабы произвести арестъ всѣхъ депутатовъ сразу—засѣданія совѣта депутатовъ прекратились съ 26 ноября, а ближайшее засѣданіе было назначено на 3 декабря въ помѣщеніи вольно-экономическаго общества; ко времени этого засѣданія и было пріурочено производство ареста—захвачены были всѣ члены совѣта (около 190 человѣкъ).

Арестъ совѣта рабочихъ депутатовъ и упадокъ рабочаго движенія развязали руки правительству, и тогда для него открылась возможность активнаго выступленія въ столицѣ противъ революціи. На этотъ путь правительство и вступило, начавъ съ ареста революціонныхъ организацій и съ преслѣдованія злоупотребленій печатнымъ словомъ.

Въ революціонной борьбѣ всегда побѣждаетъ сила и только сила.

На почвѣ засилія революціоннаго движенія 1905 г., превозмогшаго починъ ослабленной и поколебленной власти, и создались ходячія мнѣнія о «параличѣ правительства», которыя распространили на кабинетъ графа Витте обвиненія въ попустительствѣ революціи.

Въ первой главѣ настоящей статьи сопоставлены достаточно убѣдительные факты, которые неоспоримо свидѣтельствуютъ, что графъ Витте въ моментъ призыва его къ руководящей роли во внутренней политикѣ засталъ страну на кульминаціонной точкѣ революціонныхъ выступленій, и трудность задачи, налегшая на правительство, въ томъ именно и заключалась, чтобы поставить дѣйствительныя преграды дальнѣйшему наплыву революціонныхъ настроеній, не сходя съ почвы правопорядка, возвѣщеннаго актомъ 17 октября.

Вопросъ о диктатурѣ вентилировался въ руководящихъ сферахъ еще до призыва графа Витте ко власти и былъ признанъ непріемлемымъ, какъ вслѣдствіе общаго возбужденія умовъ, такъ и по отсутствію достаточно внушительныхъ военныхъ силъ.

Преступнаго попустительства революціи правительство графа Витте, конечно, за собою не знало, но вначалѣ вынуждено было считаться съ успѣхами, уже достигнутыми революціею, и недовѣріемъ общества къ правительству.

Носарь оцѣнивалъ тогдашнее положеніе вещей довольно правильно, когда говорилъ, «*не расположеніемъ графа Витте къ революціи* надо объяснять то, что передъ членами совѣта рабочихъ депутатовъ раскрывались завѣтныя двери премьера».

Тутъ Носарь нѣсколько *отдается во власть маніи* величія, въ какую вообще была склонна впадать партія рабочихъ, отъ вчерашняго рабскаго безправія перешедшая къ внушительнымъ изъявленіямъ своего произволенія, навязывавшагося обезсилѣвшему и деморализованному обществу. «Завѣтныя» двери премьера были настолько широко предъ всѣми раскрыты, что его неоднократно предостерегали противъ возможныхъ посягательствъ и покушеній на его особу, но «положеніе обязываетъ», и графъ Витте оставался неизмѣнно доступенъ отъ 17 октября 1905 г. вплоть до своего ухода, 20 апрѣля 1906 г., для всѣхъ, начиная съ высшихъ и низшихъ агентовъ правительства и кончая обездоленными и близкими людей, такъ или иначе павшихъ «жертвами въ борьбѣ роковой». Это, однакоже, вовсе не исключало сознанія уваженія къ своему положенію, и, принимая рабочихъ, графъ Витте умѣлъ подчеркивать, что видитъ въ нихъ только таковыхъ и въ этомъ смыслѣ и вступаетъ съ ними въ общеніе. Переговоры съ «уполномоченными» отъ революціонныхъ

организацій совершенно исключались по принципіальнымъ соображеніямъ, и это настолько для всѣхъ было ясно, что никто въ обоихъ свиданіяхъ съ гр. Витте, о которыхъ распространяется «Исторія с. р. д.», и не ссылался на полномочія отъ совѣта. Рабочіе прекрасно понимали, что въ качествѣ «депутатовъ» они или были бы не приняты вовсе или были бы арестованы.

Такимъ образомъ, разсказывая о раскрытіи завѣтныхъ дверей передъ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, Носарь нѣсколько отклоняется отъ истины и сгущаетъ краски, какъ и тамъ, гдѣ намекаетъ на заигрываніе министровъ съ совѣтомъ («были словоохотливы», «исполняли требованія совѣта», «вели тонкую дипломатическую войну»).

Обжегшись на первомъ же обращеніи къ петербургской городской думѣ, депутаціи отъ рабочихъ съ высшими представителями администраціи вели себя вполнѣ корректно—ни о какихъ императивныхъ требованіяхъ и рѣчи не было.

Изъ того, однакоже, что графъ Витте, органически ненавидя кровопролитіе, постарался предупредительно устранить столкновеніе между манифестантами и представителями государственнаго порядка и благожелательно присовѣтовалъ отмѣнить похоронную демонстрацію, или изъ того, что адмиралъ Бирилевъ допускалъ при извѣстныхъ условіяхъ возможность открытія казенныхъ заводовъ,—выводить заключеніе о заигрываніи властей съ рабочими—не болѣе, какъ діалектическій пріемъ, не оправдываемый фактами.

«Силу могутъ не любить,—писалъ Носарь,—могутъ ненавидѣть, но не считаться съ нею не могутъ. Въ какомъ бы видѣ ни являлась сила, невѣрящіе въ свою мощь изъ простого расчета вступятъ съ нею въ переговоры, не дерзнутъ отвергнуть ея требованія».

Такъ было, по крайней мѣрѣ, 19 октября (стр. 155).

Такое соотношеніе силъ между совѣтомъ рабочихъ депутатовъ и правительствомъ Носарь пріурочиваетъ къ 19 октября, т.-е. къ третьему дню существованія кабинета графа Витте, когда кабинетъ фактически еще не былъ образованъ. Въ дальнѣйшемъ, однако, соотношеніе силъ быстро мѣняется.

«По мѣрѣ того, какъ правительство приходило въ себя отъ охватившей его паники въ октябрьскіе дни,— пишетъ Носарь,—по мѣрѣ того, какъ оно мобилизировало контръ-революціонныя силы страны, отношеніе правительства къ совѣту (рабочихъ депутатовъ) мѣнялось. Не вѣря въ свои силы, графъ Витте не рѣшался самъ открыто раздавить совѣтъ рабочихъ депутатовъ. *По его плану и личному содѣйствію* капиталисты выбросили тысячи рабочихъ на мостовую. Этимъ предполагалось достигнуть двоякаго рода результатовъ: во-первыхъ, отрѣзать рабочихъ отъ совѣта, т.-е. косвеннымъ путемъ уничтожить силу совѣта, и, во-вторыхъ, сломить революціонную энергію всего пролетаріата» (стр. 156).

Далѣе Носарь пишетъ:

«Правительство производило развѣдки, нащупывало силы противника. Открыто правительство измѣнило свой курсъ по отношенію къ совѣту лишь 19 ноября; въ этотъ день былъ рѣшенъ арестъ предсѣдателя совѣта (рабочихъ депутатовъ)» (стр. 158) [1]).

Такъ понимаетъ тактику правительства Носарь, и едва ли можно ему отказать въ нѣкоторой прозорливости.

Дѣйствительно, кабинетъ графа Витте, принявъ власть въ разгаръ революціи, долженъ былъ въ борьбѣ съ нею, какъ то выше подробно выяснилось въ засѣданіи кабинета 4 ноября, либо «полѣзть на рожонъ», вступивъ тотчасъ же въ бой съ революціею,

---

[1]) Это было рѣшено, какъ мы видѣли выше, не 19-го, но 4 ноября.

либо выжидать постепеннаго и естественнаго ея разложенія. Но выборъ тактики въ борьбѣ всегда зависитъ отъ соотношенія силъ противниковъ.

Принятіе исключительныхъ мѣръ воздѣйствія со стороны власти въ ближайшій же мѣсяцъ по изданіи манифеста 17 октября исключалось по чрезвычайно возбужденному состоянію умовъ вообще и столичнаго населенія въ частности и вслѣдствіе попытокъ къ новому пассивному сопротивленію власти со стороны наиболѣе подвижной и безпокойной части населенія (забастовка, выборка вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ, требованія на золотую монету и т. д.). Кромѣ того, въ смущеніе приводили и войска. Вѣдь громадный контингентъ людей, взятый на время войны, какъ уже указывалось выше, подлежалъ роспуску немедленно по ея окончаніи. Эта мѣра требовала скорѣйшаго выполненія, между тѣмъ, съ ней медлили, и потому запасные по преимуществу затѣвали бунты, которые угрожали войску деморализаціею. Въ этомъ случаѣ потребовалось вмѣшательство графа Витте, чтобы настоять на роспускѣ запасныхъ. Въ результатѣ военная сила правительства оказалась совсѣмъ ослабленною, такъ какъ мирные кадры значительно уменьшили количественную силу войскъ (поднявъ его качества).

VI.

Тактика кабинета графа Витте.

При такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ правительство, конечно, не могло пускаться на рискъ рѣшительной тактики, а потому кабинетъ графа Витте и принужденъ былъ темпоризировать и терпѣть въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ дней существованіе «правительства Носаря», пока разложеніе революціон-

наго движенія въ столицѣ не измѣнило соотношенія силъ въ пользу правительства—такая тактика диктовалась предусмотрительностью, которая въ государственномъ управленіи, особенно въ критическіе моменты, непререкаемо должна полагаться въ основу всей политики.

Въ революціи, какъ и на войнѣ, противникъ преодолѣвается a) либо рѣшительнымъ штурмомъ, b) либо послѣдовательною методическою осадою. Такъ и всероссійская революція 1905 г. въ теченіе десяти почти мѣсяцевъ осаждала власть, чтобы пойти на нее затѣмъ штурмомъ въ октябрѣ. Выдержавъ осаду и штурмъ со стороны освободительнаго движенія, но вступивъ на путь политическихъ уступокъ, правительство послѣ 17 октября въ борьбѣ противъ соціальной революціи было уже умудрено опытомъ и, конечно, должно было обратиться къ использованію такой же тактики противъ своего тогдашняго противника. При этомъ правительству представлялся случай быть мудрымъ и милостивымъ по отношенію къ недавнимъ грознымъ врагамъ.

Гр. С. Ю. Витте былъ врагъ пролитія крови въ междоусобной войнѣ и потому выбралъ изъ двухъ методовъ второй, т.-е. взять врага изморомъ, а тѣмъ временемъ собирать разрозненную и разъединенную Россію.

Методъ его оказался вѣрнымъ, и лишь маленькое обстоятельство—арестованіе типографіи «Нов. Времени» и напечатаніе въ ней прокламаціи совѣта рабочихъ депутатовъ—чуть не испортило тактики. Этотъ маневръ совѣта рабочихъ депутатовъ былъ до чрезвычайности остроуменъ, рѣшителенъ и быстръ и нарушалъ интересы издателей газеты.

Вотъ они-то и отыскали для рѣшительной и быстрой дѣятельности Хрусталева-Носаря подзаголовокъ «Правительство Носаря» и могли выставить пара-

доксъ, что Носарь арестовалъ бы правительство графа Витте, если бы послѣднее не арестовало Носаря. А на самомъ дѣлѣ дѣло стояло иначе: можетъ-быть, Носарь и не прочь былъ бы арестовать и устранить законное правительство, но для этого недоставало одного маленькаго условія—мочь; кабинетъ же графа Витте не только хотѣлъ арестовать Носаря и совѣтъ рабочихъ депутатовъ, но и дѣйствительно его арестовалъ.

Смутный слухъ о предположеніяхъ Носаря арестовать графа Витте, вѣроятно, вышелъ изъ нѣдръ партіи самого Носаря. Только этими слухами можно объяснить, что въ началѣ ноября ночью, по распоряженію полицейской власти и безъ вѣдома графа Витте, былъ вытребованъ взводъ Преображенскаго полка, который и занялъ дворъ дома въ запасной половинѣ Зимняго дворца, гдѣ жилъ графъ, занимая второй этажъ, бокъ о бокъ съ канцеляріею совѣта министровъ, съ цѣлью охраны его особы. Утромъ графъ Витте, узнавъ о ночной тревогѣ, настоялъ на томъ, чтобы непрошенный караулъ былъ отмѣненъ, и преображенцевъ отпустили въ казармы. Говорятъ, эта неожиданная охрана чрезвычайно забавляла графа, такъ какъ онъ, ясно видя всю конъюнктуру сложившихся условій, не видѣлъ особыхъ основаній для огражденія себя отъ покушеній Носаря.

Предъ 17 октября, когда всѣ чувства, силы и негодованіе общества были направлены противъ одной крѣпости — противъ самодержавнаго правительства,— только тогда послѣдовало обращеніе къ графу Витте, только что вернувшемуся изъ Америки, по заключеніи Портсмутскаго мира, и ранѣе находившагося (съ 1903 г.) внѣ активныхъ дѣлъ. Только въ эти тяжелыя минуты онъ былъ спрошенъ, что дѣлать?

Суть его отвѣта была такова: если у васъ имѣется достаточная матеріальная сила, то пробуйте дѣйство-

вать силою (т.-е. вводите военную диктатуру). Онъ, графъ Витте, для этого не пригоденъ, потому что мало вѣритъ въ плодотворность примѣненія физической силы при наболѣвшихъ и назрѣвшихъ вопросахъ внутренней жизни и притомъ является убѣжденнымъ противникомъ излишняго пролитія крови. «Чувства и мысли разбивайте умомъ и талантомъ», убѣждалъ графъ Витте.

Въ результатѣ графу Витте было предложено объединить подъ своимъ главенствомъ дѣятельность министровъ, на тѣхъ основаніяхъ, которыя были изложены въ его докладѣ, удостоенномъ Высочайшаго утвержденія и принятія къ руководству.

Съ 17 октября политическая революція, объединявшая широкіе и разнообразные круги населенія, естественно, должна была пойти на убыль. Непримиримымъ остался только обездоленный классъ населенія—фабричный и заводскій рабочій пролетаріатъ, для котораго разрѣшеніе соціальнаго вопроса представляло несравненно большіе интересъ и важность, чѣмъ хотя бы и коренныя преобразованія политическаго строя, въ коихъ низы видѣли не самодовлѣющую цѣль, но только средство,

Исторія революціонныхъ движеній на Западѣ въ достаточной мѣрѣ установила общность того явленія, что насколько политическое движеніе объединяетъ разнородные слои населенія, удерживая по преимуществу противоправительственный характеръ, настолько же соціальныя движенія обостряютъ классовую борьбу, разъединяя или разслаивая тѣмъ населеніе.

Того же слѣдовало ожидать и отъ россійской революціи.

Дѣйствительно, первымъ же послѣдствіемъ манифеста 17 октября явился отпоръ со стороны самаго населенія, отвратившій отъ правительства въ значи-

тельной степени дальнѣйшія революціонныя наступленія и создавшій среди его элементъ реакціи противъ эксцессовъ и даже освободительнаго движенія вообще.

Съ другой стороны, тактика рабочихъ, сосредоточившаяся по изданіи манифеста 17 октября на измѣненіи промышленнаго строя (введеніи 8-часового рабочаго дня, ограниченіи промышленниковъ въ распоряженіяхъ наймомъ рабочихъ чрезъ делегатовъ отъ рабочихъ и пр.), вызвала активное противодѣйствіе со стороны самихъ промышленниковъ и тѣмъ ослабила напряженіе соціальной революціи. Предвидѣнное нарожденіе обоихъ этихъ фактовъ въ значительной степени облегчало положеніе власти.

Эта послѣдняя, въ своемъ составѣ и организаціи, разсчитана на правильныя и нормальныя отправленія государственной жизни. Поэтому власть оказывается безсильною, разъ масса населенія выходитъ изъ повиновенія, а особенно, если она средствомъ для борьбы съ властью избираетъ пассивное сопротивленіе, ибо активнымъ выступленіямъ массъ можетъ еще быть противопоставлена могучая военная сила; пассивное же сопротивленіе можетъ быть сломлено единственно при содѣйствіи классовъ, которые заинтересованы въ благополучномъ исходѣ борьбы. Передъ 17 октября правительству не подъ силу было бороться съ общею забастовкою, потому что все русское общество болѣе или менѣе tacito couseusu съ нею примирялось ради преслѣдовавшейся ею цѣли. Въ концѣ октября не только интеллигентное общество, но и производительные классы частью относились равнодушно къ забастовкѣ и отказывались въ ней участвовать, частью же враждебно на нее реагировали.

По этимъ соображеніямъ использованіе классовой розни между предпринимателями и рабочими было вполнѣ логичнымъ и обоснованнымъ моментомъ въ

дѣятельности кабинета графа Витте и только по подавленіи попытки учинить соціальную революцію, которою русскія крайнія партіи обѣщали изумить весь міръ, кабинетъ графа Витте могъ приступить къ осуществленію заданій, выдвинувшихся въ силу тогдашнихъ обстоятельствъ.

Одна уже текущая дѣятельность представляла собою нѣчто изъ ряду вонъ выходящее.

Кто пережилъ тревожную осень 1905 г. въ столицѣ и, по игрѣ случайности, входилъ хотя въ поверхностное, но длительное соприкосновеніе съ тѣмъ центромъ правительственнаго тяготѣнія, какимъ являлся д. № 30 на Дворцовой набережной—alias запасная половина Зимняго дворца,—на того не могла не производить подавляющаго впечатлѣнія интенсивная, но мало показная дѣятельность, какая тамъ шла непрерывнымъ коловоротомъ.

По отзывамъ недоброжелателей выходило такъ, что дѣлъ кабинета не видно, и онъ *будто бы чуть* ли не размѣнивается на «писаніе фельетоновъ», опубликовывая въ печати многочисленныя сообщенія между тѣмъ, тѣ же недоброжелатели преднамѣренно забывали прежнія жалобы общества о томъ, что его держатъ въ потемкахъ и никогда не освѣдомляютъ о видахъ правительства. Что бы, однако, ни говорили, но несомнѣнно одно, что тогдашнія правительственныя сообщенія вносили въ общество успокоеніе и позволяли ему оріентироваться въ сложномъ и запутанномъ положеніи.

Конечно, дѣятельность премьера была не выигрышная, не показная, но на самомъ дѣлѣ съ 8 часовъ утра и до поздней ночи шла у него лихорадочная работа. Премьеру ежедневно по утрамъ вносили, если можно такъ сказать, груды телеграммъ, писемъ, донесеній, которыя тотчасъ же просматривались, сортирова-

лись и подвергались исполненію, частью въ видѣ телеграммъ, частью же при короткихъ запискахъ передавались для исполненія въ подлежащія министерства или вызывали телефонныя сношенія,—вся эта работа выполнялась съ помощью какого-нибудь десятка молодыхъ расторопныхъ чиновниковъ, временно привлеченныхъ графомъ къ дѣлу; на ряду съ этимъ ежедневно чрезъ его кабинетъ проходили десятки посѣтителей, начиная съ расшитой золотомъ чиновной знати и кончая крестьянскими ходоками; происходили то свиданія съ отдѣльными министрами, то засѣданія совѣта министровъ и разныхъ совѣщаній, то выѣзды съ всеподданнѣйшими докладами и т. д. и т. д.

Поистинѣ посторонній наблюдатель могъ только дивиться желѣзному здоровью, необычайному умѣнію схватывать на лету суть самыхъ сложныхъ дѣлъ и въ надлежащей перспективности отдѣлять важное отъ неважнаго и случайнаго въ массѣ матеріала, которая повергалась на разсмотрѣніе, а это только и позволяло графу Витте преодолѣвать непосильную работу, обременявшую его въ теченіе свыше полугода безъ передышки, и притомъ сохранять самообладаніе, невозмутимость и бодрость настроенія, проявлявшіяся подчасъ въ шутливомъ и всегда благожелательномъ отношеніи къ людямъ и событіямъ.

На ряду съ этой напряженной текущей дѣятельностью и реагированіемъ на злобы дня правительство неотложно должно было озаботиться упорядоченіемъ началъ гражданской свободы, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября. Урегулированіе нормъ свободы чрезъ изданіе временныхъ законовъ являлось тѣмъ болѣе настоятельнымъ, что послѣ 17 октября наиболѣе подвижные элементы общества проявляли рѣшительную наклонность свободамъ придавать слишкомъ распространительное толкованіе, утверждая, будто теперь все

позволено и никто и ни въ чемъ никакихъ препонъ къ общественному и частному самоопредѣленію ставить не въ правѣ. Кодифицированіе новаго права должно было явиться первѣйшей задачей новаго правительства.

Всѣ отправленія сложной административной творческой дѣятельности развивались рука объ руку съ главнѣйшими задачами, которыя преслѣдовалъ графъ Витте.

Положеніе было таково, что большая часть арміи была оттянута на Дальній Востокъ, расходы по затянувшейся войнѣ поглотили всѣ средства, какими располагало государственное казначейство, повторные выпуски въ обращеніе кредитныхъ билетовъ едва не пошатнули золотую валюту, а по ликвидаціи расходовъ, сдѣланныхъ для военныхъ цѣлей, оказывалась масса счетовъ и обязательствъ, подлежавшихъ урегулированію и оплатѣ.

Графъ Витте сумѣлъ: 1) переправить, несмотря на желѣзнодорожную забастовку, изъ Сибири обратно въ Россію большую часть арміи, чѣмъ обезпечилъ способы къ водворенію внутренняго порядка, и 2) успѣшно провелъ переговоры о заключеніи за границею займа въ 843 милл. рублей, связанные съ дѣломъ Алжирской конференціи (Марокко), въ которое графъ Витте долженъ былъ вмѣшаться еще на обратномъ пути изъ Портсмута и которое онъ все время до окончаніи конференціи держалъ въ своихъ рукахъ.

Сдѣланный имъ заемъ наибольшій, какой когда-либо совершался у заграничныхъ банкировъ какою-либо страною.

Этими двумя моментами: а) возвращеніемъ арміи и b) доставленіемъ денегъ и опредѣлилась въ первую голову внутренняя политика графа Витте за время кратковременнаго его пребыванія во главѣ совѣта министровъ (съ 17 октября 1905 г. по 20 апрѣля 1906 г.).

Въ тотъ день, когда состоялось заключенiе займа, графъ Витте подалъ прошенiе объ отставкѣ, что было условлено заранѣе.

Причины, заставившiя графа Витте столь скоро покинуть активное политическое поприще, были многообразны, но едва ли не главная была *его дурной характеръ*, всегда мѣшавшiй графу быть пѣшкою въ чьихъ-либо рукахъ, а въ тотъ моментъ—въ рукахъ почти диктатора генерала Трепова.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи Нашей великою и тяжкою скорбью преисполняютъ сердце Наше. Благо Россійскаго Государя неразрывно съ благомъ народнымъ, и печаль народная — Его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единству Державы Нашей.

Великій обѣтъ Царскаго служенія повелѣваетъ Намъ всѣми силами разума и власти Нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для Государства смуты. Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга, Мы, для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ преднамѣчаемыхъ Нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго Правительства.

На обязанность Правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной Нашей воли:

1. Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

2. Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ, засимъ, дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку,

и 3. Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ Родиною, помочь прекращенію сей неслыханной смуты и вмѣстѣ съ Нами напрячь всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ.

Данъ въ Петергофѣ, въ 17-й день октября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

На подлинномъ Его Императорскому Величеству, въ Петергофѣ, въ 17-й день октября 1905 г., благоугодно было Собственноручно начертать: *„Принять къ руководству“*.

Всеподданнѣйшій докладъ статсъ-секретаря графа Витте.

Вашему Императорскому Величеству благоугодно было передать мнѣ Высочайшія Вашего Величества указанія относительно направленія, по которому должно слѣдовать Правительство въ связи съ соображеніями о современномъ состояніи Россіи, и приказать соотвѣтственно сему представить всеподданнѣйшій докладъ.

Вслѣдствіе сего пріемлю долгъ всеподданнѣйше представить нижеслѣдующее:

Волненіе, охватившее разнообразные слои русскаго общества, не можетъ быть разсматриваемо какъ слѣдствіе частичныхъ несовершенствъ государственнаго и соціальнаго устроенія или только какъ результатъ организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій. Корни этого волненія, несомнѣнно, лежатъ глубже. Они—въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія переросла форму существующаго строя Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы.

Въ уровень съ одушевляющей благоразумное большинство общества идеей должны быть поставлены и внѣшнія формы русской жизни. Первую задачу Правительства должно составлять стремленіе къ осуществленію теперь же, впредь до законодательной санкціи черезъ Государственную Думу, основныхъ элементовъ правового строя: свободы печати, совѣсти, собраній,

союзовъ и личной неприкосновенности. Укрѣпленіе этихъ важнѣйшихъ сторонъ политической жизни общества должно послѣдовать путемъ нормальной законодательной разработки, наравнѣ съ вопросами, касающимися уравненія передъ закономъ всѣхъ подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, независимо отъ вѣроисповѣданія и національности. Само собою разумѣется, что предоставленіе населенію правъ гражданской свободы должно сопутствоваться законнымъ ограниченіемъ ея для твердаго огражденія правъ третьихъ лицъ, спокойствія и безопасности государства.

Слѣдующей задачей Правительства является установленіе такихъ учрежденій и такихъ законодательныхъ нормъ, которыя соотвѣтствовали бы выяснившейся политической идеѣ большинства русскаго общества и давали положительную гарантію въ неотъемлемости дарованныхъ благъ гражданской свободы. Задача эта сводится къ устроенію правового порядка. Соотвѣтственно цѣлямъ водворенія въ государствѣ спокойствія и безопасности, экономическая политика Правительства должна быть направлена ко благу широкихъ народныхъ массъ, разумѣется, съ огражденіемъ имущественныхъ и гражданскихъ правъ, признанныхъ во всѣхъ культурныхъ странахъ.

Намѣченныя здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ основанія правительственной дѣятельности для полнаго осуществленія своего требуютъ значительной законодательной работы и послѣдовательнаго административнаго устроительства. Между выраженнымъ съ наибольшей искренностью принципомъ и осуществленіемъ его въ законодательныхъ нормахъ, а въ особенности проведеніемъ этихъ нормъ въ нравы общества и пріемы правительственныхъ агентовъ, не можетъ не пройти нѣкоторое время. Принципы правового порядка воплощаются лишь постолько, посколько населеніе полу-

чаетъ къ нимъ привычку — гражданскій навыкъ. Сразу пріуготовить страну со 135-милліоннымъ разнороднымъ населеніемъ и обширнѣйшей администраціей, воспитанными на иныхъ началахъ, къ воспріятію и усвоенію нормъ правового порядка не по силамъ никакому правительству. Вотъ почему далеко не достаточно власти выступить съ лозунгомъ гражданской свободы. Чтобы водворить въ странѣ порядокъ, нужны трудъ, неослабѣвающая твердость и послѣдовательность.

Для осуществленія сего необходимымъ условіемъ является однородность состава Правительства и единство преслѣдуемой имъ цѣли. Но и Министерство, составленное, по возможности, изъ лицъ одинаковыхъ политическихъ убѣжденій, должно еще приложить всѣ старанія, чтобы одушевляющая его работу идея стала идеей всѣхъ агентовъ власти отъ высшихъ до низшихъ. Заботой Правительства должно быть практическое водвореніе въ жизнь главныхъ стимуловъ гражданской свободы. Положеніе дѣла требуетъ отъ власти пріемовъ, свидѣтельствующихъ объ искренности и прямотѣ ея намѣреній. Съ этой цѣлью Правительство должно поставить себѣ непоколебимымъ принципомъ полное невмѣшательство въ выборы въ Государственную Думу и, между прочимъ, искреннее стремленіе къ осуществленію мѣръ, предрѣшенныхъ Указомъ 12-го декабря.

Въ отношеніи къ будущей Государственной Думѣ заботой Правительства должно быть поддержаніе ея престижа, довѣрія къ ея работамъ и обезпеченіе подобающаго сему учрежденію значенія. Правительство не должно явиться элементомъ противодѣйствія рѣшеніямъ Думы, поскольку эти рѣшенія не будутъ, что невѣроятно, кореннымъ образомъ расходиться съ величіемъ Россіи, достигнутымъ тысячелѣтней ея исторіей. Правительство должно слѣдовать мысли, выска-

занной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ Манифестѣ объ образованіи Государственной Думы, что Положеніе о Думѣ подлежитъ дальнѣйшему развитію въ зависимости отъ выяснившихся несовершенствъ и запросовъ времени. Правительству надлежитъ выяснить и установить эти запросы, руководствуясь, конечно, господствующей въ большинствѣ общества идеей, а не отголосками, хотя бы и рѣзко выраженныхъ, требованій отдѣльныхъ кружковъ, удовлетвореніе которыхъ невозможно уже потому, что они постоянно мѣняются. Но удовлетвореніе желаній широкихъ слоевъ общества путемъ той или иной формулировки гарантій гражданскаго правопорядка необходимо.

Весьма важно сдѣлать реформу Государственнаго Совѣта на началахъ виднаго участія въ немъ выборнаго элемента, ибо только при этомъ условіи можно ожидать нормальныхъ отношеній между этимъ учрежденіемъ и Государственной Думой.

Не перечисляя дальнѣйшихъ мѣропріятій, которыя должны находиться въ зависимости отъ обстоятельствъ, я полагаю, что дѣятельность власти на всѣхъ ступеняхъ должна быть охвачена слѣдующими руководящими принципами:

1. Прямота и искренность въ утвержденіи на всѣхъ поприщахъ даруемыхъ населенію благъ гражданской свободы и установленіе гарантій сей свободы.

2. Стремленіе къ устраненію исключительныхъ законоположеній.

3. Согласованіе дѣйствій всѣхъ органовъ Правительства.

4. Устраненіе репрессивныхъ мѣръ противъ дѣйствій, явно не угрожающихъ обществу и государству,

и 5. Противодѣйствіе дѣйствіямъ, явно угрожающимъ обществу и государству, опираясь на законѣ и

въ духовномъ единеніи съ благоразумнымъ большинствомъ общества.

Само собою разумѣется, что осуществленіе поставленныхъ выше задачъ возможно лишь при широкомъ и дѣятельномъ содѣйствіи общества и при соотвѣтствующемъ спокойствіи, которое позволило бы направить силы къ плодотворной работѣ. Слѣдуетъ вѣрить въ политическій тактъ русскаго общества. Не можетъ быть, чтобы русское общество желало анархіи, угрожающей, помимо всѣхъ ужасовъ борьбы, расчлененіемъ государства.